

Тезисы международной конференции

20-22 февраля 1996 г.

Москва

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

Славянские языки в зеркале неславянского окружения

Тезисы международной конференции
20-22 февраля 1996 г.
Москва

Москва 1996

Тезисы конференции посвящены единой проблематике: решению вопроса о ядре славянской языковой системы, как предполагается, стабильном при контактах, и проницаемой периферии. В докладах обсуждается зависимость стабильности/проницаемости а) от языкового уровня; б) от языка контакта.

Сборник интересен славистам, типологам и специалистам по общему языкознанию.

Оргкомитет:
Л.Г.Невская, Т.М.Николаева, Т.М.Судник

ISBN 5-7576-0029-2

© Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1996

О польских говорах балто-славянского пограничья

1. Польский язык трех выделенных в свое время Г.Турской компактных районов крестьянских польских говоров на территории бывшего Великого княжества Литовского (виленский, ковенский и смолвенский [1, с.21] представляет собой благодатный материал как для изучения конкретных результатов исторического и синхронного взаимодействия славян с балтами, так и для теории языковых контактов.

2. Среди балтизмов, функционирующих в современных польских говорах, часть была известна уже региональной культурной разновидности польского языка (определенную модификацию которой представляет собой местный польский крестьянский диалект). В свою очередь в региональный культурный вариант польского языка (северо-восточная разновидность "польщины кресовой") многие из балтизмов проникли из западнорусского языка, выполнявшего в бывшем Великом Княжестве Литовском до 1697 г. функцию официального судебно-административного языка (ср. такие распространенные лексемы как *dyrwan*, *świren* и др.).

Состав балтизмов современных польских говоров указанной зоны, по всей видимости, совпадает с составом соответствующих явлений в белорусских говорах зоны балто-славянского пограничья. Во всяком случае для лексического уровня об этом убедительно свидетельствуют материалы "Словаря белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья" (далее СБГ [2]). Общий лексический состав балтизмов (главным образом, литуанизмов) характерен для всех основных тематических групп, относящихся к различным областям крестьянской бытовой и хозяйственной жизни. Примеры из подгруппы "названия частей растения, применяемых для хозяйственных нужд" в основной тематической группе "растительный мир": СБГ *жагіні*, *жэгені*, *жэціні* и подобные 'жерди' - польск. *żag'n'i*, ед.ч. *żeg'in'* 'суковатые палки для сушки гороха, сена и т.п.' Зарас., ед. ч. *żag'in'a* Вильн. (ср.[3] для Вильн. приводит *żagiń*) - лит. *žaginiai* 'то же'; СБГ *слёкшня*, *слёкшына*, *слёксня* 'лубяное волокно' (в том числе в Шальч.) - польск. *stokšn'i* = *v'itk'i* Шальч. - лит. *slūokсна* 'то же'; СБГ *жабурок*, *жабуркі*, *жыбуркі* 'щепки, чурки' - польск. *żeburek*, *żebureček* Игн., *żyburk'i* Зарас. - лит. *zabarūi* 'сухие ветки'; СБГ *шакаль*, *ш.кал*, *шакальна* 'щепка' - польск. *śakal'* 'палочка' (ср. *suk'erk'i na śakal'ax* дер. Рудники Шальч) - лит. *šakalys*;

СБГ *жага́ры, жагауры́, жага́ры*. 'тонкие сучья, хворост'- польск. *żagary, żagry* 'ветки' с. Майшегала Вильн., ср. топоним в Шальч.
Żagaryn'a-лит. *žągaras, žagaraĩ* 'сухие ветки'; СБГ *жыльбу́ць, жыльгу́ць*. 'ветка, прут от лозы, вербы, орешника'- польск. *żelgut'i* Шальч. (ср. *lapl'i z żelgut'uf* дер. Рудники Шальч.) - лит. *žilgas* 'вид ивы'.

Таким образом, среди балтизмов (в первую очередь литуанизмов) в современных польских говорах можно выделить по крайней мере два слоя: более старый, известный контактирующим славянским языкам данного региона до процесса широкой полонизации местного крестьянского населения, и более новый: проникший в формирующиеся польские говоры во время осуществления вышеуказанного процесса. Важной, хотя и чрезвычайно сложной представляется задача установления причин и условий, способствующих при смене первичной языковой системы у аутохтонов (например, литовской на польскую) сохранению тех или иных "родимых пятен" прежней первичной системы. В докладе предпринимается попытка выявить некоторые из этих факторов.

3. Литуанизмы в современных польских говорах представлены на всех уровнях языковой системы: фонетическом, грамматическом, синтаксическом, словообразовательном, лексическом. Наиболее подробно в докладе рассматриваются последние на примере собственных имен, формирующих подсистему микропонимов (названия полей, лугов и болот). Микропонимы классифицируются по структурному признаку и по типу номинации. По структуре базовой основы среди зафиксированных микропонимов выделяются: образованные от простой субстантивной основы, от субстантивной основы, осложненной аффиксом (обычно суффиксом), из двух субстантивных основ (словосложения), из сочетания существительного с прилагательным, из сочетания существительного с предлогом. В последнем случае часто возникают гибридные формы, в которых славянский префикс присоединяется к балтйской основе. Широко распространены в исследуемой зоне микропонимы, образованные от литовских суффиксальных формаций, содержащих показатели *nomina loci* *-ynas, -ynė*, которые модифицируются в польских говорах в *-(i)n'a, (i)na, -iny* (ср. *'Ažul'n'a* (луг) ← *ąžuol'ynė, ąžuol'ynas, Šl'en'iny* (луг) ← *šlyn'ynas, šlyn'ynė* и др.).

Основу типа номинации микропонима могут составлять следующие ономастические универсалии: внешний признак а) не связанный с деятельностью человека: физиографические признаки (особенности рельефа, почвы, произрастающие в данном месте растения, обитающие животные и т.п.); б) связанный с деятель-

ностью человека (характер его действий: например, многочисленные названия полей и лугов, мотивированные лит. *dėgti* 'выжигать, жечь' - *D'agūc'* Брасл., *D'egutīn'a* Игн., *Dėksn'a* Зарас.; опредмеченный результат его действий в виде сохранившихся или некогда бывших на этом месте строений, сооружений и т.п.; событие, эпизод, связанные с данным местом, точная реконструкция которых в настоящее время, как правило, невозможна: ср. *Pin'ig'in'a* (поле) дер. Гайде Игн. ← лит. *piniginė* 'кошелек').

4. Ряд балтизмов, характерных для польских говоров Литвы и Белоруссии и отсутствующих в польских говорах Украины (юго-восточная разновидность периферийного польского диалекта), является таким образом составной частью набора дифференциальных признаков, отличающих северо-восточную и юго-восточную разновидности "польщизны кресовой".

5. Элементы, специфичные для зоны балто-славянского пограничья (в том числе балтизмы), часто сознательно используются польскими писателями как средство стилизации, способствуя тем самым реализации секундарной (по отношению к основным) эстетической функции языка, например, в произведении М. Ваньковича "Щенячы годы" (*M. Wańkowič "Szczenięce lata"*) они создают соответствующий локальный фон.

Литература

1. *Turska H.* O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. // *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. I. Wrocław etc., 1982, s. 19-121.

2. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1-5, Мінск, 1979-1986.

3. *Otrębski J.* Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie // *Język Polski*, R. XVI, s. 79-85.

Список сокращений географических названий:

в Литве:

Вильн. - Вильнюсский р-н

Зарас. - Зарасайский р-н

Игн. - Игналинский р-н

Шальч. - Шальчининкайский р-н

в Белоруссии:

Брасл. - Браславский р-н

Витебской обл.

**Об особенностях реализации
фонетических законов русского языка
в речи носителей других языков
(на материале русской речи корейцев)**

Когда человек использует в своей речевой деятельности неродной язык, он прежде всего сталкивается с фонетическими трудностями. При этом наблюдается феномен интерференции, причиной которой является родной язык говорящего (первичная система). Когда же фонологические системы двух контактирующих языков отличаются друг от друга очень сильно, как русская и корейская, то фонетическая интерференция проявляется весьма значительно. В настоящее время, при всей очевидной необходимости, феномен русско-корейской интерференции изучен очень мало. Существуют сопоставительные работы по русской и корейской фонологическим системам, но они в основном сделаны вне эксперимента и без учета прикладного использования в изучении того и другого языков как иностранных.

В практике преподавания фонетики русского языка в СПбГУ сложилась устойчивая традиция обучения русскому произношению на основе известных фонетических законов русского языка (правил чтения по-русски). В их числе все особенности произношения русских гласных в безударном положении (иканье, аканье, ыканье), разные типы ассимиляций (по месту и способу образования, по глухости, звонкости, мягкости), а также достаточно сложные правила реализации групп согласных (так называемых "непроизносимых") или звуковых комплексов, включающих интервокальный /j/ (в первую очередь в безударном положении). Нет никакого сомнения в том, что реализация этих правил в русской речи нерусских в значительной степени зависит от системы родного языка говорящих, при этом, по-видимому, степень трудности того или иного правила окажется разной в разных иностранных аудиториях.

В настоящей работе исследовалась русская речь корейцев - студентов и аспирантов филологического факультета СПбГУ, изучающих русский язык достаточно долгое время. Все испытуемые прошли курс теоретической фонетики русского языка, т.е. познакомились с русскими фонетическими законами не только на практике, но и в теоретическом плане. Иными словами, можно предположить, что контроль за реализацией правил чтения в речи данных дикто-

ров можно считать более осознанным, чем в речи рядового иностранца, говорящего по-русски. В целях эксперимента дикторы читали специально подготовленный русский текст, который затем был подвергнут слуховому анализу. В результате исследования оказалось возможным выделить 3 группы фонетических законов русского языка, различающихся степенью трудности для носителей разных языков.

1) Правила, одинаково трудные для любого иностранца, своего рода фонетические универсалии на уровне фонетических законов: аканье, иканье, ьканье, ассимиляция по мягкости, правило, связанное с "непроизносимыми" согласными. Русская речь корейцев на уровне реализации этих правил практически не отличается от русской речи любых других иностранцев.

2) Правила, обладающие повышенной трудностью именно в корейской аудитории, что диктуется несовпадением как 2-х систем фонем, так и законами реализации этих систем в речи: закон конца слова, ассимиляция по месту и способу образования, по звонкости (отчасти). Во многих случаях в данной группе сходные фонетические условия требуют разных реализаций одних и тех же фонем в русской и корейской речи, что создает благоприятную почву для возникновения разного рода ошибок. Например, в корейском языке согласный перед звонким не ассимилируется, а подчиняется другому правилу чтения: "футбол" - /fudból/(рус.), /fupról/(кор.).

3) Правила, имеющие сходный характер в обоих языках: ассимиляция по способу и месту образования, по глухости (отчасти). Например, корейское слово "матчуда" произносится /mačuda/, как в русском языке "летчик" - /l'óčik/.

Знание особенностей реализации русских фонетических законов в конкретной иностранной аудитории может, без сомнения, значительно упростить задачу преподавателя и помочь устранению многих ошибок, вызванных интерференцией. Кроме того, эти наблюдения могут быть использованы также при создании специальной серии упражнений для тренировки произношения русских слов, реализующихся по правилам разных типов.

Звуковая система русского языка: виды контактов и сферы функционирования

Социальные и экономические перемены, определяющие современное состояние общества, напрямую затрагивают и судьбу русского языка. Можно сказать, что мы являемся свидетелями очень важных и драматических событий, характеризующих типы межъязыковых контактов. Русский язык, еще недавно являвшийся языком межнационального общения, активно использовавшийся носителями самых разных языков и обеспечивавший культурные и социальные контакты, теперь как бы "расплачивается" за ошибочную национальную политику в республиках бывшего Советского Союза, ассоциируется с национальным неравенством ("великодержавным шовинизмом") и интенсивно вытесняется из широкого употребления. Нельзя не заметить, что с собственно лингвистической точки зрения такая ситуация очень интересна и требует специального наблюдения, поскольку она отражает процессы, обратные тем, которые были исследованы и описаны в работах периода активного взаимодействия русского языка с языками других народов страны.

В докладе рассмотрены основные аспекты, существенные для понимания тех особенностей русского языка, в которых проявляются последствия его контактов с другими языками. Естественно, что речь идет о звуковом уровне языковой системы и о соответствующих характеристиках речевой деятельности.

Общелингвистические аспекты: соотношение системы фонем русского и контактирующего с ним языка, дистрибуция фонем и аллофоническое варьирование в контактирующих языках; правила организации звукового облика словоформы; соотношение сегментных и супraseгментных единиц в контактирующих языках. Проблема устойчивых элементов системы, сохраняющихся при всех видах контактов, и проблема реальности инвариантных признаков функциональных единиц.

Психолингвистические аспекты: степень генетической близости контактирующих языков; типологические и статистические характеристики звуковой формы значимых единиц; соотношение артикуляторных и перцептивных характеристик контактирующих языков. Степень владения русским языком и интерферирующая сила родного языка.

Социолингвистические аспекты: русский язык в контакте с другими языками у себя на родине и за пределами ее; русский язык в бывших республиках СССР и в "дальнем зарубежье"; русский язык в устах эмигрантов разных поколений.

Прикладные аспекты: диагностика языковой принадлежности говорящего на основе его ошибок в русской речи, разработка методики обучения произношению (русский как иностранный); речевые характеристики в сценическом произношении.

Звуковая система русского литературного языка описана и исследована тщательно и подробно. Небольшое количество гласных фонем при большом количестве согласных определяют - наряду с сильной количественной и качественной редукцией безударных и свободным словесным ударением - значительное разнообразие собственно звуковых реализаций: для гласных - это дифтонгоидность различного происхождения, вариативность всех фонологически релевантных признаков, информативная нагруженность при передаче релевантных признаков соседних фонем; для согласных - асимметрия фонологических признаков и их фонетических коррелятов (особенно ярко выраженная в оппозициях твердых и мягких согласных, т.е. именно самой характерной черты русского консонантизма), слабое примыкание к предшествующим гласным, тенденция к упрощению артикуляций не только сочетаний, но и одиночных согласных. Все эти особенности определяют звуковой облик словоформы, подчиняющейся еще и правилам фразовой просодики. Практически идеальная фонемная модель слова почти никогда не находит полного соответствия в фонетической реализации, однако все отклонения могут быть выведены из правил орфоэпии и орфофонии, действительных для современного состояния литературного произношения. В случаях нарушения этих правил довольно легко устанавливаются и причины этих нарушений - от социофонетических (уровень образования, профессия, возраст, принадлежность к определенной социальной группе) до сугубо индивидуальных (особенности произносительного аппарата, индивидуальный языковой опыт, дефекты речи и т.д.).

В докладе рассматривается русская речь в бывших республиках Советского Союза как результат разнообразных взаимовлияний, характеризующих отношения между фонологической системой родного для жителей конкретной республики языка и ее фонетической реализацией, с одной стороны, и системой фонем русского языка, понимаемой в широком смысле - т.е. не только как набор функциональных единиц, но и как правила их использования при образовании словоформы, включенной в высказывание, - с другой.

При таких взаимовлияниях нарушаются почти все характерные для русской звуковой системы признаки, и при этом степень отклонения от нормы не обязательно зависит от степени "неродственности" данного языка по отношению к русскому. Специальное внимание уделяется речи тех русских, которые родились и выросли в данной республике и русская речь которых обладает почти теми же фонетическими характеристиками, что и речь основного населения.

Особая разновидность русской звуковой системы реализуется в устах иностранцев, в той или иной степени владеющих русским языком. Характерные для каждого случая ошибки, объясняемые обычно влиянием родного языка, могут быть при более детальном анализе расклассифицированы и более подробно: одни действительно возникают в результате использования собственного звукового репертуара вместо русского, а другие являются результатом неудачного исполнения именно русских звуковых единиц. Можно ожидать, что общий звуковой облик словоформы больше зависит от ошибок второго рода, тогда как ошибки первого рода, поскольку они предсказуемы, в меньшей степени влияют на осуществление коммуникативной функции.

В докладе предлагается система основных отклонений от нормативных реализаций высказывания на русском языке и излагаются некоторые результаты экспериментальной оценки таких отклонений методом акустического анализа и компилятивного синтеза.

Г.К.Венедиктов
Москва

О необходимых уточнениях к описанию некоторых форм существительных в современном болгарском литературном языке

Результаты расширяющегося иноязычного влияния на болгарский язык, сказывающегося на его нормативной структуре, не всегда находят должное отражение в существующих кодифицирующих трудах. Это касается в частности форм множественного числа некоторых существительных в этом языке.

1. Иностранные имена и фамилии, издавна употреблявшиеся в болгарском языке, в последние десятилетия вводятся в него во все возрастающем количестве, что связано с расширяющимися контактами болгарского народа с другими народами и увеличивающимся

объемом информации, передаваемой средствами массовой информации. Однако формы множественного числа таких имен в грамматиках современного болгарского литературного языка не описаны и не кодифицированы. Отсутствие в грамматиках каких-либо указаний или оговорок относительно таких форм в сущности создает впечатление (или может создать впечатление) о полном совпадении в образовании и употреблении форм множественного числа собственных имен и фамилий болгарского и иностранного происхождения. В академической грамматике болгарского языка например сказано, что формы множественного числа от собственных личных имен и фамилий мужского рода образуются присоединением окончаний *-овци (-евци)* и *-ови (-еви)* (*Иван - Ивановци, Никола - Николовци, Славейков - Славейковци, Христо - Христови, Павлов - Павлови*), при этом формы на *-ови (-еви)* обозначают семью или дом лица, от имени которого они образованы ("Грамматика на съвременния български книжовен език", т. 2, София, 1983, с. 106). Надо заметить, кстати, что формы мн. числа типа *Павлови* образованы от *Павлов* и под. с окончанием *-и*, а не *-ови*. Об образовании форм мн. числа от собственных личных имен и фамилий женского рода в данной грамматике, как и в других, ничего не говорится. В перечне же существительных, от которых формы мн. числа не образуются и не употребляются (типа *героизъм, учителство, кислород, пипер, България, Дунав* и др.) собственные личные имена и фамилии не указаны (Там же, с. 111-112).

Между тем образование и употребление форм мн. числа от иностранных собственных имен и фамилий имеет ряд особенностей, важнейшая из которых - широкое употребление таких существительных без окончаний *-овци (-евци)* или *-ови (-еви)* в случаях, где собственно болгарские личные имена и фамилии последовательно употребляются в формах мн. числа с данными окончаниями. Укажем некоторые из такого рода расхождений. Так, при назывании супружеских пар, имеющих болгарские фамилии, обязательно употребляются формы мн. числа на *-ови (-еви)*: *Мария и Петър Пашови, Димитър и Ани Георгиеви*. Так же и без личных имен: *Пашови, Георгиеви*. Фамилии же иностранные при назывании супружеских пар в случаях, когда указываются личные имена мужа и жены, сохраняют форму ед. числа: *Роналд и Ханси Рейгън, Сюзън и Дейвид Тейлър, Карл и Ан Сейгън, Рос и Норис Маккрайтър*. Так же и в случаях, когда именам и фамилиям предшествуют слова, обозначающие супружескую пару, молодоженов, родителей: *съпружеската двойка Шарън и Дейвид Скуу, президентската двойка Бил и Хилари Клинтън, новобрачната двойка Беатрис и Кристиан Линде, съпру-*

зите Джон и Линда Фостър, родителите Филип и Катя Александър. Такие же формы (без особого окончания мн. числа) употребляются и в случаях, когда называются только фамилии супругов: *съпрузите Розенберг, съпрузите Клинтън, съпрузите Харт, младоженците Доган*.

Не имеют особой формы мн. числа и фамилии в тех случаях, когда называются братья, сестры, родители и дети, например: *Морис, Бари и Робин Гиб; Джон, Роберт и Едуард Кенеди; близнаците Ханс и Герхард Фишер, братята Уилсън, братята Грим, сестрите Ейми и Елизабет Райт, близначките Ерика и Герда Вагнер*.

Не имеют особой формы мн. числа и иностранные фамилии в сочетаниях с числительными типа *двама*: *тримата Марadona, петимата Джексън*. Болгарские фамилии в такого рода сочетаниях имеют форму на *-ови (-еви)*.

Формы мн. числа от иностранных фамилий в современном болгарском литературном языке употребляются, кажется, лишь в случаях, когда называется фамилия мужа и жены, семьи в целом, других родственников в тексте без личных имен. Ср.: През 1953 година *съпрузите Етел и Джулиус Розенберг* бяха екзекутирани на електрическия стол [...] Хрущов заявява, че Сталин бил много благодарен на *Розенбергови*, защото те "предоставили многозначителна помощ за ускоряване на производството на нашата атомна бомба" (Газ. "Дума" 4.X.1990, с. 3).

Очевидно, что реальное употребление форм мн. числа собственных личных имен и фамилий не соответствует тем правилам, которые формулируются в современных грамматиках болгарского языка.

2. Другой пример массового вхождения в современный болгарский литературный язык иностранных слов, не отраженный в грамматиках, - формы мн. числа существительных мужского рода с окончанием *-ове*.

В существующих грамматиках констатируется, что, кроме большого числа односложных слов (*град-градове, вол-волове*) формы мн. числа с окончанием *-ове* образуют и несколько неодносложных слов (обычно говорится о двухсложных именах). В цитируемой выше академической грамматике, например, констатируется: "С окончанием *-ове* образуются формы мн. числа только от следующих двухсложных имен мужского рода: *вятър - ветрове, огън - огньове, център - центрове, шанец - шанцове (шанци)*" (Грамматика на съвременния български книжовен език", с. 107). Это неверная констатация, причины которой трудно объяснить, поскольку в современном болгарском литературном языке формы мн. числа с окончанием

-ове образуют не только названные четыре, но и множество других слов мужского рода с двумя и более слогами, имеющих разную словообразовательную структуру. Таковы в основном существительные, конечным компонентом которых является односложное имя, образующее форму мн. числа с окончанием *-ове*: приставочные существительные типа *подвид - подвидове*; существительные с начальным компонентом в виде неполной (усеченной) основы: *агитпункт - агитпунктове*; существительные с интерфиксом между составляющими их компонентами: *лесопарк-лесопарково*, *овцебик-овцебиково*, *броневлак-броневлаково*; существительные без интерфиксов: *краплак-краплаково*, *амперчас-амперчасове*, *тенискорт-тенискортове*; аббревиатуры: *ПЕН-клуб - ПЕН-клубове* и др. Есть также небольшая группа существительных, состоящих из двух и более слогов, с конечным компонентом, не употребляющимся в качестве самостоятельного слова: *нефтохим-нефтохимове*.

Таким образом, количество неодносложных слов мужского рода, образующих форму мн. числа с окончанием *-ове*, не четыре, а десятки и сотни. Число их постоянно и быстро растет главным образом за счет введения в него слов, заимствуемых из западно-европейских языков, и сейчас едва ли кто может точно сказать, сколько их на самом деле употребляется в литературном языке. Преобладающая их часть - это слова простые с приставками и сложные слова, второй компонент которых - односложное слово, образующее форму мн. числа с окончанием *-ове* и "передающее" им свое окончание. Вот лишь несколько такого рода примеров из большого списка слов, встречающихся в периодических изданиях последних лет: *агрошеф-агрошефове*, *медияшоп-медияшопове*, *евротим - евротимове*, *допингтест-допингтестове*, *компактдиск- компактдисково*, *сноуборд-сноубордове*, *бизнесплан-бизнеспланове*, *суингинклуб-суингинклубове*, *аеробос-аеробосове*.

Наличие большого числа подобного рода форм на *-ове* требует соответствующей коррекции констатируемой в грамматиках нормы образования формы мн. числа от неодносложных существительных мужского рода.

Фонетическая интерференция и произносительная норма

Широко известно, что взаимодействие языков на сегментном звуковом уровне определяется соотношением их фонологических систем. При этом необходимо учитывать, во-первых, состав фонем обоих языков, во-вторых, набор дифференциальных признаков в языке в целом и в отдельных фонемах, и в-третьих - реализации фонем в речи.

Усвоение фонетического строя нового языка зависит от особенностей фонемной интерпретации его звучания носителями иной фонологической системы. В свою очередь та или иная фонемная трактовка в известной мере определяет степень точности воспроизведения иноязычной речи.

При сопоставлении состава фонем нужно учитывать и качественные и количественные различия (последние имеют разное значение для гласных и согласных).

Произносительная норма зависит от фонологической системы языка. Фонологическая система подразумевает не только совокупность фонем, но и характер отношений между ними; с этой точки зрения в систему должны включаться и дистрибуция фонем, и их сочетаемость, чередования и их функциональная нагрузка. При этом система языка - это система моделей, полностью не реализованная; формальные возможности, предоставляемые языком, никогда не могут быть использованы полностью.

Норма понимается как внутриязыковая категория, связанная с наличием потенциальных возможностей обозначения одного и того же явления, представляемых языком как системой (при этом норма - результат действия ряда социальных факторов, связанных с существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени).

В норме происходит отбор того, что имеется в системе в данный момент или находится в ней в потенции, норма определяет характер реализации тех потенций, которые заложены в системе.

При рассмотрении произносительной нормы необходимо различать два аспекта: орфоэпию и орфофонию. Орфоэпия занимается выявлением фонемного состава слов (например, в слове *п о э т* фонема /a/, а не /o/, /paet/, а не /poet/; орфофония занимается вопросами качества произнесения того или иного аллофона фонем

(например, в слове поэт /e/ открытое, а в слове лес - среднего подъема, т.е. закрытое).

Сознательной кодификации подвергается именно орфоэпия, как как фонемный состав слов хорошо осознается носителями языка. Орфофонические различия, различия в фонетических характеристиках фонем, часто носителями языка не осознаются. Вместе с тем диалектные и просторечные особенности и ряд особенностей, возникающих в результате интерферирующего влияния родного языка, проявляются не в нарушении фонемного состава слова, а в изменениях фонетических характеристик фонем, например, недостаточное смягчение /č/, недостаточная твердость /s/ и /ž/.

Характер реализации русской речи носителями разных языков определяется, с одной стороны, влиянием особенностей фонологической системы русского языка, специфическими для русского языка соотношениями звука и буквы, и потому нарушения должны быть однотипны (например, произнесение твердого или недостаточно мягкого согласного и отсутствие /i/-образного перехода гласных встречается у всех испытуемых, независимо от родного языка), с другой стороны – влиянием родного языка.

Взаимодействие звуковых систем двух языков в значительной мере связано со степенью близости соответствующих языковых систем. При этом речь может идти как о генетическом родстве, так и о чисто типологическом сходстве.

В русской речи носителей разных языков было обнаружено разное число отклонений от произносительной нормы: минимальное у белорусов, максимальное – у эстонцев и грузин.

Исходя из звуковой системы русского языка, можно выделить те черты и элементы, которые наиболее трудны для усвоения. Так, замена /ы/ на /i/ происходит у носителей тех языков, где соответствующего звука нет (например, армянский, литовский, латышский, грузинский) или когда аналогичная оппозиция осуществляется при другом качестве гласных (украинский). Однако ненормативная реализация фонемы /ы/ встречается и у эстонцев, молдаван, азербайджанцев. Отклонение от русской нормы связано, во-первых, со специфической для родного языка артикуляцией похожего на /ы/ звука, а во-вторых, с неверной артикуляцией слогов в целом, в частности, сочетаний ш и-ж и, очевидно, под влиянием написания.

У носителей всех языков наблюдалась ненормативная реализация /i/ (хотя и реже, чем /ы/): гласный произносился как более отодвинутый назад, что сопровождается произношением недостаточно мягкого или даже твердого начально-слового согласного.

Таким образом, обе эти черты связаны с неточной реализацией слога в целом и зависят от правил реализации фонем в слоге.

Универсальные и частые в речи нарушения орфофонической нормы состоят в сохранении безударных /e/ вместо /i/ при предшествующем твердом или недостаточно мягком согласном; /o/ вместо /a/, а после мягких еще и /a/ вместо /i/ при орфографических *а, я*.

Причина этих ошибок, по-видимому, в иной дистрибуции гласных в родных языках дикторов, то есть в отсутствии чередования ударных и безударных фонем, свойственных русскому языку.

При произношении согласных различные фонологические отношений в русском и других языках связано прежде всего с признаком мягкости-твердости согласных: в ряде языков эта оппозиция вовсе отсутствует (в эстонском, грузинском, армянском, азербайджанском), в других нет некоторых пар, противопоставленных по этому признаку (в белорусском нет пары /r - r'/, или мягкие согласные реализуются не так, как в русском (/t', d'/ в литовском).

Это приводит к появлению орфоэпических ошибок. Однако и здесь имеются существенные различия, зависящие от собственных свойств согласных. Так, мягкие губные чаще заменяются твердыми, переднеязычные - мягкими, среднеязычными и реже твердыми, заднеязычные - заднеязычными мягкими даже в тех случаях, когда такие фонемы в родном языке отсутствуют.

Большинство ошибок представляют собой нарушения орфофонических норм: недостаточно мягкие (слабо палатализованные) или недостаточно твердые (невеляризованные) согласные, либо аффрикаты с неточным соотношением длительности щелевой и смычной части; излишне дифтонгоидные гласные, более открытые и более закрытые, чем в норме, гласные и т.п.).

В речи жителей крупных городов России наряду с нормативным употреблением в произношении гласных и согласных встречаются и случаи нарушения произносительной нормы как орфоэпической, так и орфофонической. Определенная совокупность отличительных черт сегментного и супraseгментного уровня, специфика конкретного городского варианта произношения в значительной степени определяются своеобразием звукового строя окружающих говоров. В зоне действия северновеликорусских говоров наиболее яркими оказываются вокалические особенности, южнорусских - консонантные. Среднерусский вариант произнесения в основном совпадает с нормативным, отличаются лишь некоторые интонационные особенности.

Отклонения орфофонического характера, не затрагивающие фонемного облика слова, являются более распространенными и устойчивыми, чем орфоэпические особенности (например, произношение щелевого /y/ вместо смычного /g/).

Кроме диалектных особенностей, имеющих определенную локальную отнесенность, в речи подавляющего большинства информантов регулярно встречаются общепросторечные или разгворные черты. Это, например, делабиализация безударного /u/ (*бюро* - /b'igo/), ненормативная редукция /a/, замена аффрикат /č/ и /c/ на щелевые /š/ и /s/ (*ручка* /ruš'ka/, *солнце* - /sonsy/), редукция конечного /t/ в сочетании /s't/ (*слабость* - /slabas'/) и т.п. Эти же черты встречаются в речи петербуржцев и москвичей, особенно часто в речи молодежи.

На результат интерференции влияет не только различие во взаимодействующих звуковых системах (различие в количестве и составе фонем, их дистрибуции и т.д.), но и то, как именно происходит взаимодействие.

М.И.Ермакова
Москва

Современная серболужицкая языковая ситуация и проблема взаимодействия серболужицкого и немецкого языков

Сложность и противоречивость языковой ситуации в современной Лужице влияет на развитие серболужицкого языка - на изменения в соотношении разных форм его существования (устной и письменной литературной формы, локальных диалектов, надрегиональных диалектов), а также на характер контактов серболужицкого и немецкого языков.

Характер и типы взаимодействия этих языков определяются особенностями языковой ситуации на территории Лужицы, население которой полностью двуязычно. Можно выделить два основных типа языковой ситуации, принципиально отличных друг от друга. Первый тип характерен для территорий, где двуязычное серболужицкое население составляет меньшинство. В серболужицком языке представителей старшего и среднего поколения здесь обнаруживается сильное влияние немецкого языка на всех уровнях языковой системы. Представители молодого поколения не владеют серболужицким языком. Речь идет о таком комплексном немецко-

серболужицком двуязычии, которое быстро переходит в немецкое одноязычие. Взаимовлияние серболужицкого и немецкого языков, интерференция, ведущая к образованию факультативных вариантов в обоих языках, отклонению от нормы, характеризующей каждый из языков в отдельности, наблюдается в условиях языковой ситуации данного типа.

Второй тип языковой ситуации характерен для территорий с компактным серболужицким населением, где двуязычные серболужичне составляют большинство населения. Это католические районы на крайнем западе верхнелужицкой территории. Немецкое население владеет здесь серболужицким языком пассивно или даже активно. Представители молодого поколения владеют обоими языками. Взаимовлияние языков – серболужицкого и немецкого – проявляется здесь слабо. В немецком произношении старшего и среднего поколений обнаруживается сильное влияние серболужицкого языка, на других уровнях языковой системы серболужицкого языка проявляется влияние немецкого языка. Для этого типа языковой ситуации характерен переход от более комплексного двуязычия к более координированному двуязычию. В условиях языковой ситуации данного типа наблюдаются также такие типы языкового контакта серболужицкого с немецким, как адаптация лексических элементов – морфологическая, словообразовательная и фонологическая. Кроме того, возможна интеграция грамматических элементов (категорий и форм) немецкого языка серболужицким языком, как например, формы пассива, образованные с помощью глагола *wordować*. формы типа *to by richtig rychtowane wordować*, а также категория косвенного пассива типа *tón krynje prajene*.

Кроме того, существуют случаи, когда можно говорить о свободном переключении от коммуникации на серболужицком языке к коммуникации на немецком языке (code-switching). Речь идет о группе неадаптированных лексических единиц: некоторые прилагательные, наречия, местоимения, числительные, союзы, частицы, междометия. Ср. употребляемые в диалектах: *ajnsfach, gut, direkt, fört, cwejonfufcich, ganc, entweder, bis, achzow, ju, freilich*.

Грамматические и лексические сорабизмы встречаются редко и, главным образом, в таких немецких текстах, где речь идет о специальных терминах, не существующих в немецком языке.

К явлениям интерференции в условиях данной языковой ситуации относится изменение рода при употреблении окончаний существительных и артикля в немецком языке, изменение числа в некоторых немецких конструкциях, опущения местоимения *es* в речи старшего и среднего поколений, нарушение норм немецкого

языка под влиянием серболужицкого при употреблении некоторых синтаксических конструкций: в использовании или неиспользовании рамочной конструкции, особенности порядка слов в употреблении личных форм глагола в придаточном предложении, нарушения в порядке слов, типичном для немецкого языка.

Для языковой ситуации обоих типов характерно возрастание роли немецкого языка, при этом обратно пропорционально возрасту носителей серболужицкого языка. Это подтверждается статистическими исследованиями явлений интерференции в серболужицких деревнях, представляющих евангелическое и католическое население Лужицы.

Сказанное выше относится прежде всего к способам взаимодействия серболужицкого и немецкого языков на территории распространения серболужицких диалектов, которые являются наиболее общепринятым средством коммуникации для большинства носителей серболужицкого языка. Основным носителем серболужицкого литературного языка и его разговорных форм – серболужицкая интеллигенция – также широко использует знание диалектов в неофициальном общении. Роль серболужицких литературных форм и их соотношение с диалектами различны в зависимости от конкретной языковой ситуации в отдельных районах Лужицы, как различна степень влияния этих форм на региональные формы коммуникации.

При исследовании типов контактов литературных форм серболужицкого и немецкого языка (литературного и диалектного) большой интерес представляет разговорный язык, употребляемый в устном общении представителей интеллигенции. Он функционирует в разнообразных языковых ситуациях на фоне немецкого языка как универсального средства общения для серболужичан. Разговорный язык – сфера взаимодействия верхнелужицкого литературного языка и диалектных элементов. Он обладает особенностями, в том числе и в характере проявления влияния немецкого языка, которые не свойственны устному литературному языку. Например, большое число заимствований из немецкого языка, образование косвенного пассива с помощью заимствованного глагола *krydnyć*, парадигма заимствованных существительных на *-a*. В зависимости от языковой ситуации и компетенции говорящего может идти речь о разной степени насыщения языка серболужичан – литературного, разговорного и диалекта – элементами, чуждыми структуре и норме литературного языка. Ср., например, явление простого перевода с немецкого языка на серболужицкий конструкций, нетипичных для серболужицкого языка при наличии определенного средства выражения в лужицком.

В литературном языке большую роль играет правильная оценка заимствований из немецкого языка.

М.В.Завьялова
Москва

Влияние славянских языков на литовскую разговорную речь

Соседство славянских языков и тесное взаимодействие с ними на протяжении долгой истории не могло не оказать на литовский язык большого влияния. В связи с этим интересно проследить, как проникают в литовскую речь русские и польские слова и модели, и какое место они занимают в системе современного языка. Прежде всего надо отметить, что огромный пласт славянской лексики используется в просторечии, в то время как литовские аналогичные слова и выражения считаются высоким стилем. Это может быть равнозначная замена, когда значение иноязычного слова ничем не отличается от соответствующего литовского, кроме сферы его использования (просторечие). Например: *ženytis* 'жениться' (лит. *tuoktis*), *bonka* 'бутылка' (лит. *butelis*), *kudas* 'худой' (лит. *plonas*), *pletkai* 'сплетни' (<польск. *plotki*, лит. *plepalai*), *pijokas* 'пьяница' (<польск. *pijak*, лит. *girtuoklis*). В последнем примере польское слово приобретает пренебрежительный оттенок, литовское же обозначение пьяницы скорее нейтрально. То же можно сказать и о слове *bardakas*, литовский синоним которого не имеет такого сильного значения. Надо отметить, что с целью усилить значение, подчеркнуть степень проявления качества чаще используется лексика с негативным оттенком. Есть слова *durnas*, *naglas*, *bieđnas*, но нет *umnas*, *dobras* и т.п. Недаром, когда литовцам задается вопрос, какие русские слова они употребляют, прежде всего им в голову приходят ругательства. Даже, если заимствованное слово в самих славянских языках нейтрально, в литовском варианте оно приобретает оттенок издевки, насмешки. В таких случаях часто происходит сужение значения, например, *striošnas* в отличие от русского *страшный* и от его литовского аналога *haisus* означает 'ужасно некрасивый, безобразный' и применимо только к внешности людей. Наряду с литовским возвышенным *siela* 'душа' используется насмешливое *dušia* с явно приземленным значением. Также с издевкой литовцы говорят *čudas* 'чудо', когда случается что-то невообразимое с точки зрения логики. Совсем непредсказуемое превращение произошло с вполне

серьезным русским словом *жертва*, которое на литовском жаргоне означает 'некрасивая женщина, дурнушка'. Тут можно говорить о полной редукции прежнего значения с выделением только одного признака – ущербности. Слово *dūmoti* имеет несерьезно-пренебрежительный оттенок в отличие от *galvoti*. Когда говорят, что кто-то "*stradalina*", это значит, что он притворяется, его беда не стоит сочувствия. Обобщая, можно сказать, что русская и польская лексика в восприятии литовцев приобретает коннотации 'крайняя степень чего-либо; усиление (напр. *bazarinti* 'болтать'); негативный оттенок (напр. *baldeninti* 'балдеть'); насмешка (напр. *kurilinti* 'курить')'.

Помимо лексических заимствований, в разговорной речи много и морфологических калек с русского. Так, литовцы активно используют русский префикс *do-*, обозначающий законченность действия. Получаются такие гибриды с литовскими корнями: *damušti* 'добить', *davalgyti* 'доесть' и т.п. В литовском есть свои приставки с таким же значением, но русская воспринимается как выражающая это сильнее. Также в качестве усиления используется русское *давай*, причем часто вместе с литовским императивом, который выражается суффиксально. Видимо, суффиксальная форма кажется недостаточно выразительной.

А.А.Зализняк
Москва

Бытовая письменность в древней Руси и в средневековой Скандинавии

Берестяные грамоты открыли перед исследователями ранее неизвестный мир древнерусской бытовой письменности. Обнаружилось, что параллельно с литературной и официальной письменностью на Руси издревле существовала также традиция широкого использования письма для целей повседневной жизни - для частной переписки, составления различных списков, памятных записок, ярлычков, для записи заговоров и прочих магических текстов, для обучения грамоте и соответствующих упражнений и т.д.

Как теперь уже известно, для бытовой письменности использовался несравненно более доступный, чем пергамен, писчий материал – береста. Другое отличие от книжной письменности состояло

в том, что использовалась несколько особая графико-орфографическая система (или системы).

Эта ситуация до некоторой степени сходна с той, которая существовала в ту же эпоху, т.е. в XI-XV вв., в частности, в Скандинавии. Как и для Руси, для Скандинавии эта ситуация открылась перед исследователями лишь относительно недавно – в сущности лишь после того, как при археологических раскопках 1957г. (и последующих лет) в Бергене был найден большой массив (более 600) рунических надписей XII-XVвв. на деревянных палочках [1,2,3]. Позднее еще около 100 аналогичных надписей было найдено также в нескольких других городах Норвегии.

Деревянная палочка для письма тщательно обстругивалась с четырех сторон, так что в сечении получался квадрат, и на каждую грань наносились руны (по одной строке на каждой грани).

До этого открытия были известны рунические надписи на камнях (в том числе могильных), стенах церквей, различных изделиях. Бергенские открытия показали, что существовала также традиция рунического письма в бытовых целях, с использованием легкодоступного материала, не предназначенного для длительного сохранения. Кроме того, стало ясно, что руны сохранялись в живом употреблении (в этой своей функции) гораздо дольше, чем предполагалось ранее.

Классификация рунических надписей на палочках и берестяных грамот по содержанию дает группы, которые в значительной мере совпадают, однако количественные соотношения групп в этих двух фондах находок сильно различаются.

Частные письма. В отличие от берестяных грамот, среди которых эта категория документов составляет безусловное большинство, среди рунических надписей на палочках она довольно малочисленна.

Владельческие ярлычки. Здесь соотношение обратное: среди рунических надписей они встречаются в несколько раз чаще, чем среди берестяных грамот.

Тексты магического содержания (заговоры, магические формулы). Они многочисленны в скандинавском фонде, редки в древнерусском.

Алфавиты. Они тоже чаще встречаются в скандинавском фонде, чем в древнерусском. Функция записей, содержащих алфавит, могла быть двоякой: учебной или магической. В рунологии для таких записей в качестве первичной обычно рассматривается магическая функция. Магическое значение алфавита было известно также и в древней Руси.

Бессмысленные наборы букв (реже слов). Этот тип записей (по-видимому, тоже отчасти связанный с потенциальным магическим значением письменного знака) сравнительно часто встречается в скандинавском фонде, но очень редко в древнерусском.

Только в скандинавском фонде, но не в древнерусском, обнаруживаются стихотворные тексты (преимущественно любовного содержания); они обнаруживают связь с традицией скальдической поэзии.

Большинство найденных в Норвегии надписей на палочках написано на живом языке, т.е. по-древноревежски. Однако имеется также и заметное число латинских текстов (записанных рунами). Это, во-первых, поэтические тексты или отдельные их строчки, во-вторых, молитвы и фрагменты литургических текстов, а также заговоры и магические формулы. Можно, таким образом, провести отдаленную аналогию между руническими надписями на латыни и берестяными грамотами, содержащими церковнославянский текст; но следует, конечно, учитывать, что функции языка, противопоставленного живому языку общения, в этих двух традициях всё же существенно различались.

Оппозиция "запись рунами – запись латинским алфавитом" оказывается в значительной степени скоррелированной с оппозицией "бытовое письмо (на дереве) – книжное письмо (на пергамене)". Для древней Руси в качестве отдаленной аналогии первой из этих оппозиций можно рассматривать различие между бытовой и книжной графико-орфографической системой (хотя здесь дистанция во внешнем выражении, разумеется, значительно меньше).

Наряду с деревом в Скандинавии использовалась как писчий материал также береста [4, 5(с.9)]. Однако соответствующих находок пока еще очень мало: имеются сообщения лишь о трех берестяных грамотах, найденных в Швеции [4,6]. Две из них (одна XIV в. и одна XV в.) содержат латинский текст церковного характера, записанный латинскими буквами, причем одна написана стилосом, а другая чернилами (о третьей грамоте в нашем распоряжении сведений нет). Таким образом, этот материал пока еще не позволяет ответить на вопрос, существовала ли в Скандинавии традиция рунического письма (бытового характера) на бересте, параллельная традиции письма на палочках. Тем самым вопрос о характере соотношения этих двух способов письма в Скандинавии остается открытым.

Черты функционального сходства между берестяной письменностью древней Руси и руническим письмом на деревянных палочках в Скандинавии в значительной мере могут объясняться просто

сходством экономических и культурно-исторических условий в этих странах. Однако определенную роль здесь мог играть и прямой контакт между этими культурами, особенно в том, что касается технических аспектов письма.

Так, например, характерное для многих берестяных грамот старшего периода использование вертикального двоеточия или троеточия в качестве разделительного знака между словами и даже просто между слогами находит надежной аналогии в древнерусской книжной письменности. Двоеточие изредка встречается в рукописях, но лишь в конце фразы или целого периода; троеточие, по видимому, вообще отсутствует. Между тем описанное выше использование двоеточия и троеточия - вполне обычный прием рунического письма.

Допустимо предположить также наличие историко-культурной связи между техникой вырезания рун и техникой выцарапывания (выдавливания) букв на бересте.

Не следует исключать также возможность некоторого взаимного влияния двух традиций в выработке характерного древнего эпистолярного стиля, отличающегося, в частности, несвойственной литературным текстам краткостью и эллиптичностью.

Литература

1. *A. Liestøl. Correspondence in Runes. - Mediaeval Scandinavia, vol. 1. (1968). Odense. P. 17-27.*
2. *The Bryggen Papers. Supplementary series. N 2. Norwegian University Press, 1988.*
3. *Norges Innskrifter med de yngre Runer, Bd. 6. Bryggen i Bergen, I. Redigert av J.E. Knirk. Oslo, 1980-90.*
4. *O. Odenius. En notis om björknäver som skrivmaterial i Vadstena Kloster under senmedeltiden. - Kyrkohistorisk årsskrift. 1959. P. 163-171.*
5. *А.В. Арциховский, В.И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 года). М., 1963*
6. *H. Guneng. Näverbiten. - Stadsvandringar, 1991, N 14. P. 68-69.*

Концептуальная трансляция классического языка как доминанта книжной справы

1. Книжная справа являла собой контролируемый духовной властью процесс изменения библейских и богослужебных книг, имевший целью достижение правильности славянских конфессиональных текстов и цсл. литературного языка. В зависимости от доминирующей духовной установки разное время и разное пространство представляли разное понимание правильности, так как в языковом сознании эта правильность могла быть мотивирована либо ориентацией на греческие тексты и греческий язык, либо ориентацией на собственную славянскую традицию. При этом заданность цсл. языка на греческий образец с необходимостью предполагала трансляцию культурно доминирующего языка не только на открытом формальном уровне, но и на скрытом концептуальном уровне. Обретение цсл. языком достоинства (*dignitas*), равного достоинству греческого языка, проявлялось и на формальном уровне в непосредственном следовании семантике и/или/ структуре греческого языка, а на концептуальном уровне в реализации универсальных механизмов, определявших гармонию содержания и выражения. Таким образом, именно скрытая концептуальная трансляция престижного языка мотивировала принципиальную интеллектуализацию и перспективную глубину проводимой в ходе книжной справы кодификации цсл. языка.

2. Глубинную трансляцию классического языка демонстрируют, например, неизвестные ранее фрагменты книжной справы 17 в. (ГИМ, собр. Барс. 9), существенно расширяющие представления о работе книжников над языком Острожской Библии (ср. исправления, принятые при издании Московской Библии 1663 г. - РГАДА, ф. 1251 ед. хр. 149). Явленные в данных фрагментах исправления свидетельствуют об осознанном стремлении книжников достичь совершенства цсл. языка не только путем формального следования собственно греческому языку, но также посредством применения к цсл. языковому материалу основных регулирующих механизмов:

1) снятие омонимических форм:

(ГК лица: 2 л. // 3 л. ед. = л-форма + связка // форма аориста: "ты обигта → обигталъ еси",

ГК числа: И (В) ед. // Р. мн. суш. м. = форма на "-// форма на -wв
"от вельбюд → вельбюдwв"

Р(В) ед.// В. мн. (т' и ц) = форма на -a// форма на Ѧ "юнца →
тѣлца")

2) введение "нестандартных" форм:

(Р. ед. суш. ср. и ж. = форма на и → форма на є "имени → имене,
мтри → мтре"

3) устранение аграмматичных форм:

(И. ед.ж. кратких причастий "ревека възрѣвъ → възрѣвшн",

И. мн. м. кратких причастий "повѣдаша глѹци → глѹце"

Таким образом, проводимая в 17 в. книжная справа дает возможность поставить и решить проблему "поддержки" "внутренне ослабленного" цсл. языка посредством концептуальной трансляции греческого языка как языка классического.

Вяч. Вс.Иванов

Москва

Славяно-(восточно)иранские сходства.

Дополнительные сближения

1. Выявленные уже раньше славяно-(восточно)иранские сходства (ср., в частности, подробное обсуждение славяно-скифских сопоставлений в последнем выпуске 'Slovo', Paris, 1994) могут быть достаточно обширными и значительными. Эти языковые данные могут свидетельствовать о воздействии (восточно-)иранского митранзма и дуалистических (особенно зороастрийских и манихейских) представлений. Показательна смена на иранские заимствования многих элементов пантеона восточных славян и связанных с ними лексем, обозначающих полярные ряды явлений: рус. *хорош(ий)*, осет. *хогз/хварз* 'хороший, добрый', *хварз* *Nikkola* 'добрый Никола' - эпитет святого в мифологических осетинских песнях, сопоставляемый (В.И.Абаев. Осет.яз. и фольклор. 594, 254) с др.-рус. *Хорсь* (имя бога): алан. *Hurz* (язигское собственное имя), ср. китайскую передачу 口儿吉 Хоу-р-ци имени аланского военачальника на монгольской службе, массагет. (в Византии в VI в. н.э.) *Хорсапантис* = осет. *хогз-/хаерз-амонд* 'наделенный доброй судьбой' (В.И.Абаев. Ист.-этим. сл. осет. яз. т. IV, 219); при допущении солярного происхождения скифских терминов из скиф. *Хор* = **hvar-* (осет. *хог-/хиг-* 'солнце' этим сближениям не противоречит и

сравнение древнерусского имени бога с перс. Xurset (В.Н.Топоров. Об иранском элементе в русской духовной культуре//Славянский и балканский фольклор, 1989). С этими обозначениями положительного начала соотносятся отрицательные: о.-слав. *xud-> ст.-сл. ХОУДЪ, рус. худ(ой): скиф. *fud-> осет. fyd/fud- 'дурной'; худо' особенно в первой части сложного слова, ср. тип худо-сочный; ср. также семантический параллелизм худой 'тощий': осет. fyd- хоуз/xuz 'тот, кто плохо выглядит, худой'; рус. нет худа без добра, осет. fyd, xorz аем. ma sdzur 'ни дурного, ни хорошего ему не говори'; рус. хуже: осет. сравн.ст. fyddaer/fuddaer; в славянском перекодирование *fu- в *xu-, ср. передачу скиф. *huska=xusk'(ae)/хоуск'- 'сухой' посредством греч. Φύσκη у Птолемея в названии "Сухого Лимана"; если предлагаемое сравнение правильно, рус. худой мир можно было бы считать отражением древнего восточноиранского сочетания, обе смысловые части которого представлены в согдийском, ср. к первой 'Byz'krtyh=*aviza-kar-ti 'злое действие', соответствующее функционально и по этимологии второй основы осет. fyd gaend[ae] 'посвящение назло нежертвенных животных чужим покойникам', fy/ud-gaenaeg 'злодей', согд. ze-kar<*dus-kara. В эту же словарную сферу, возможно, входит не в качестве изоглоссы (в случае, если германские основы, хотя и родственные, должны быть отнесены к иной семантической и хронологической группе), а как раннее заимствование: слав. *sorm-> ст.-сл. СРАМЪ, иран. *fsarma- 'стыд'> афг. sarm, белудж. sarm, идра fs/sfarm, мунджан. sfo^oem, хотано-сак. kšarma- (параллелизм значений сказывается в обеих группах языков, в частности, в использовании производных для обозначения pudenda: согд. sβ'rm'k= *s^ofarmak и т.д.). Р.О.Яacobсон, 100-летие которого отмечается в 1996 г., одним из первых обратил особое внимание на значимость иранского элемента в славянских мифологических обозначениях. Многократно им рассмотренное в этой связи имя словацкого огненного (пепельного) духа, сходного с птицей, представлено в нескольких звуковых вариантах - Rarog, Raḡaḡ, Raḡašek. С древнеиранским *Vegeθraupa (божество, представлявшееся и в образе сокола) сравнивались эти формы и отчасти с ними сопоставимые названия древнерусского огненного бога Сварог и птицы Рах-Страх с ее иссушающими вихрями в восточнославянских заговорах и мифологических птиц Вострогог, Вострогогт в Голубиной книге. ср. рус. веретник 'вампир' и имя Святогор (В.Н.Топоров. Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов). // Славянское и балканское языкознание, 1983). Возможно и сближение хотя бы части этих обозначений сла-

вянского огненного духа-птицы с осет. *aert- xutaeg/aerxotug* 'пепел=пыль огня' (другие следы иранского имени священного огня сохранились в сербо-хорв. *жива ватра*, рус. *ватр-ушка* и т.п.). Для славянских форм типа названия огня *Сварож-ич* и обозначения родственных отношений Сварога к Солнцу особенно яркую параллель представляет осет. *Aert-xug-op* (ср. отражение того же восточно-иранского сочетания в согд. $\gamma w g' r \delta = * x o g - a r \theta$ с обратным порядком составляющих и без обозначения родства) "Огонь-Солнца дитя", где элемент *-op* как обозначение отчества точно соответствует *-ич*. (Восточно)иранские названия птиц могли отразиться и в других древнеирусских мифологических именах: кажется вероятной связь рус. *Жар-птица* с осет. *zaeg-vatykk* 'ласточка' (в нартовских сказаниях *adanlimaen zarbatug* 'друг людей ласточка') < **zaga-patuka* (культовое название Солнца *Xug-zaegin*, *zaegin* 'золото', хотано-сак. *ysaga* 'куропатка'; в восточнославянском заимствовании переосмыслено в духе народной этимологии); совпадение названия птицы (при смысловом различии, в названиях птиц очень часто) согд. *суџ*: рус. *суџ*, если не случайно, то должно объясняться заимствованием из иранского. В свете этих сближений возможна и предложенная впервые К.В.Тревер интерпретация имени *Се/имарьгль*, *Сим-Рьгль*: ср. *Д.Ворт*. Див - *Simurg*-//Восточнославянское и общее языкознание, 1978; имя *Дивъ* и др.-рус. *дивий* 'дикий - принадлежащий богу' особенно интересно для сравнения индо-иранского дуалистического перетолкования терминов со славянским. При обосновании иранского происхождения имени *Семарьгль* прежде всего существенно осет. *saw-maelgae* 'скворец=черная-птица': скиф. (тотемическое?) название племени *Μυρϋεται*, ср. восточноиранское заимствование в арм. *sira-marg* 'павлин' (Bailey, *Revue des études arméniennes* 1965). Альтернативное (или позднее народно-этимологическое?) истолкование *Семаргла* как 'семиглавого' Бога также предполагает сближение с иранским, но исключительно в аспекте мифологической семантики. Если упомянутые сближения верны, то из богов пантеона Владимира примерно половина – иранского происхождения. Не был ли иранский их характер одной из причин, вызвавшей первую его реформу?

Но наряду с непосредственными лексическими заимствованиями весьма важными представляются сходства в восточноиранском и славянском словообразовательных и/или синтаксических моделей. Иногда (как выше в случае общего названия 'стыда') речь может идти об общем индоевропейском наследии, сходным образом измененном в обеих семьях.

2. Именной суффикс *-k- играет существенную роль в словообразовании и глагольном формообразовании в скифо-осетинском и согдийском. Наиболее близкое функциональное и этимологическое сходство при семантическом различии основ усматривается в ст.-сл. ЗНАКЪ (=греч. σημειον): согд. zn'kh=*zának 'наука' (Sutra des causes et des effets, ed. Gauthiot-Pelliot. Paris, 1928, 43) - z'n/zn=*zan-'знать', осет. зонун, ср. привативное aeznag 'враг' <*a-znā-ka-'незнакомец, не имеющий отличительного признака своего', aeznagon 'вражеский'=язиг. Znagan (XIV в.н.э.); слав. -*къ и скифо-осетинский суффикс присоединяются к основе *znā-<*g'noH-'знать, различать' (см. о древнем значении: "Elementa" vol.I, N2, 1993, 117), тогда как в согдийском *-a- принадлежит суффиксу. В славянском суффикс *-акъ чаще представлен в другом (аффективном или социально более низком) слое словаря, что отметил В.И.Абаев, указавший на это суффиксальное сходство. К этому более распространенному в славянском типу относится рус. пис-ака: согд. pr's'k 'пишущий', pr'ys- 'писать', осет. puffyssaeg (славянская и согдийско-осетинская формы отличаются только наличием приставки в основе второй). Ср. при различии корней семантически сходные суффиксальные производные: дур-ак: согд. уг'k 'глупый'; из форм на слав. *-ак-: в.-ир. *-ik-: рус. мудаак: согд. 'nt'ryk=*and²rik 'евнух, слуга' (первоначально <*'принадлежащий внутренней части дома'), слав. *-ик-: рус. родн-ик, источн-ик: согд. γγук 'принадлежащий источнику' - γγ = *хах 'родник' (язгул. хех'вода', авест. ха).

3. Более древние диалектные связи можно предположить в случае именного собирательного суффикса *-twaH>*-twa (>перс. -ha), общего у иранского с тохарским и славянским (о.-слав. *-tva), ср. аналогичное диалектное распределение глагольных императивных форм с префиксом *ре/о. В число лексических изоглосс, объединяющих те же диалекты, входит ст.-сл. РАТЬ: пехлев. ratak 'ряд, строй', тохар.А ratak, В retke 'боевой строй; войско' (одно из многочисленных иранских заимствований в тохарском, который вместе с армянским и славянским можно отнести к иранизированным индоевропейским диалектам). Такие диалектные соотношения (когда, как в последнем случае, их нельзя вывести из позднейших заимствований), скорее всего периода "скифо-европейско"-тохарских (евразийских) изоглосс должны на очень большой отрезок времени (порядка сотен лет, иногда же – одного или даже нескольких тысячелетий) отстоять от наиболее позднего времени контакта отдельных групп иранских языков (в частности, восточных) с отдельными славянскими (например, древнерусским).

4. Особенно велико число очевидных сходств славянского с (восточно-) иранским в глагольных сочетаниях, где совпадают и глагол и преверб. Слав. *pro-dati соответствует согд. pr'št=*parađat 'проданный' (ср. "Vessantara Jataka"= VJ, ed. Benveniste, 1252), шумган. paṛḡaḥ-, санглич. paṛḡe, идга plāḡ-, мунджан. peḡḡr-, афг. pḡolalai 'проданный', с которым по одному из возможных толкований (E. Benveniste. Essai de grammaire sogdienne. Paris, 1929, 13) связано имя царствующей скифской династии у Геродота Παράλαται, ср. осет. gaeddyn 'дать' (<*fra-dā- с отделяемым в дигорском пригемезисе превербом ga<*fra), возможно и gaedaw 'щедрый' (если из того же сочетания с превербом, к которому может восходить и арм. arat' как иранское заимствование). В последнем сочетании представляется несомненной связанная со сферой купли-продажи семантическая фразеологическая инновация, общая для восточно-иранского и праславянского. К параллелизму этой славянской и иранской приставок ср. особенно согд. prštrt=*paršt'rt 'расстеленный', образованные от той же основы названия ковров (by'nyk prštrn 'божественный ковер', ḡn 'nyčh pršt'k 'со множеством ковров' VJ, 846, 39^e, ср. хотано-сак. bastarra 'ковер, покров' - ba-štarr-<*upa-str-n- 'покрывать') и славянские производные от *pro+*st(e)r = рус. *про-стор, про-стереть* (о словах этой группы ср. статью А.А. Зализняка об ирано-славянских связях. "Кратк. сообщен. Ин-та славяноведен.," XXXVIII, 1963).

Слав. *v^bpros- следует (при различии в гласном преверба, ср. аналогичное *na-pisa-ti: иран. *ni-piṣ- 'написать') отождествить с согд. wp'rs=*vi-pars/wp'rs 'вопрос' - от (')'prs= *Op^ars, осет. faersyn (судя по осетинскому, согдийскому и другим языкам в иранском этот древний индоевропейский глагол входил издавна и в семантическое поле терминов чтения, что может объяснять возможность культурного влияния, сказывающегося на его истории). Разительным представляется сходство слав. *po-vesyt<*po-ved-ti и дальнейших производных типа рус. *по-вест-ка* и согд. pwtšk 'книга, договор' (Gauthiot. Essai de grammaire sogdienne. 1 partie, Paris, 1914-1923, 69, 101, 102, 126, 136). Целую парадигму можно восстановить на основе сочетаний с превербами *(a)ro, *per, *uz индоевр. глагола *wert- 'вертеть' (в том числе и в специальном коневодческом значении тренировки лошади на скачках, в связи с чем в славянских и иранских приставочных и суффиксальных производных от этого индоевропейского глагола обнаружен ряд интересных сходств, от-

носящихся и к способам измерения времени и пространства типа рус. *верста*): ср. согд. *rgw'rt-* 'отвернуться', *rgw'rt=*parwart* 'свиток, договор', *z(y)w'rt-* 'вернуться' и соответствующие славянские производные типа рус. *повертеть, переворот, извертеться*. Интерес представляют также некоторые соотносительные приставочные пары типа согд. *'rt-==*anpat-* 'падать' (иранская приставка **ham<*som*, ср. хет. *šan* в функции частицы): *w'rt-==*warpat-* 'упасть' (иранская приставка **awa*): ср. рус. *спасть: у-пасть*. Для восстановления префиксов в старых терминах верховой езды показательна прочитанная впервые Бенвенистом пара согд. *β'zγ'δ=*βαzγαδ-* 'вскочить на коня': (основа афг. *zγastǝl*) *w'zγ'δ= *wazγαδ-* 'слезть с коня' (превербы **abl* и *awa=* афг. *ob-* и *u-*, широко представленные в этом семантическом поле). При выяснении истоков славянского префиксального типа *под-счет, под-слушать, под-жечь* может быть полезным сравнение с превербом в согд. *ptsn'r=*pats^umar* 'число', *ptγws-* 'услышать', *ptswč-* 'поджечь' (продуктивный тип); осет. *fae-(<*pati)+dzaexsyn* 'наставлять' (возможно, родственно согд. *ptxs'wn=*pat-xswan* 'учитель', авест. *xswa/čaxs-* 'наставлять').

5. Из отдельных лексических изоглосс отметим еще рус. *скупка/скупать*: согд. *'skwc-* 'тоска'. При параллелизме многих фонетических процессов слова общего происхождения или ранние заимствования в славянском и иранском часто звучали сходно (ср. *mitr-<mitr-* 'согласие, договор, бог Митра' в части восточно-иранских языков в Средние века). В определенный ранний период взаимодействия иранского и славянского заимствовались на только отдельные мифологические термины, но и целые фрагменты религиозных текстов; классическим примером остается ст.-сл. БОГА РАДИ, представляющее собой перекодированное др.-перс. *bagā-hya gadiy* с отличием только в падежном окончании генитива. Далеко идущее влияние иранского на славянский или иранизация (термин, в другой связи введенный Поливановым) славянского позволяет подойти к существенным выводам и в отношении славянской религии предхристианского времени: она была сформирована под влиянием иранских религиозных воззрений своего времени и обладала значительным набором соответствующих понятий, что облегчило работу первым переводчикам греческих текстов на старославянский.

Реализация оппозиций "звонкость-глухость", "твердость-мягкость" в русской речи китайцев

Цель данного исследования – анализ и систематизация типичных нарушений при реализации оппозиций "звонкость-глухость", "твердость-мягкость" в речи китайцев. На большом фактическом материале делается попытка: 1) выяснить, какое противопоставление согласных является более трудным, 2) распределить согласные по степени их усвоения (от более сложных к более легким), 3) установить, основываясь на частоте ошибок, встречающихся в речи информантов, какие фонемные замены являются более частотными, и показать весь спектр звуковых замен.

Материалом послужил фонетически представительный текст, объемом около 3000 фонем, начитанный (с интервалом в 2 года) 5-ю информантами-китайцами. Математически обработанные данные слухового анализа позволили получить частоту всех ошибочных замен фонем и аллофонов (в процентах) и сравнить, с одной стороны, два варианта записи чтения каждого информанта и, с другой стороны, всей группы дикторов в целом. Применение такой методики помогло проследить динамику овладения фонологической системой изучаемого языка каждым информантом и определить круг общих и частных ошибок.

Результаты проведенного исследования показали:

1. При реализации звонких и глухих согласных наблюдается в основном одинаковый набор звуков, употребляющихся как вместо звонких, так и вместо глухих согласных. Звонкие обычно заменяются на недостаточно звонкие, озвонченные глухие и глухие. а глухие согласные – на недостаточно оглушенные, озвонченные и звонкие.

2. Глухие согласные менее вариативны, чем звонкие.

3. Максимально вариативны переднеязычные согласные, минимально – заднеязычные.

4. Наиболее легким является противопоставление /v-f/, максимально трудным – /ʒ-ʒʰ/.

5. В корреляционной паре твердых согласных глухие реализуются как нормативные всегда с большей частотой, чем звонкие.

6. Противопоставление звонких и глухих согласных в группе мягких шумных оказывается более трудным, чем у соответствующих твердых, но общая закономерность проявляется в том, что час-

тота правильных реализаций мягких глухих согласных как правило выше, чем парных звонких (исключение /f/ и /k'/).

7. Твердые согласные менее вариативны и реализуются правильно чаще, чем мягкие. Наиболее контрастно согласные противопоставляются в парах /s'-s/, /p'-p/, /v'-v/, /x'-x/. Значительный прогресс наблюдается при реализации таких мягких согласных как /p', d', g'/ . Самыми трудными для китайцев являются /f', k', b'/.

8. В группе сонорных основные трудности связаны с реализацией плавных: веларизованного /l/ и /r'/ . Частота ошибок соответственно равна 74 и 55 %.

9. По итогам анализа 2-ой записи можно выстроить согласные от более трудных к более легким в следующей последовательности: /f', l, ž, r'/ - реализуются верно с частотой до 60%, /k', d', b', g, z'/ до 70 %, /b/ до 80%, /t', d, l', z, š, g', x/ до 90%, /s',t, n, v, p', r, v', p, k, m, n', f, s, m', x'/- свыше 90%. Очевидно, что звонкие согласные (особенно смычные) произносятся правильно реже, чем соответствующие твердые. Интересно отметить также, что в группе согласных, реализованных правильно более чем в 80% случаев, имеется 7 (из 15) пар согласных, противопоставленных по признаку "мягкость-твердость": /p'-p, v' - v, m'-m, t'-t, s'-s n'-n, x'-x/ и только 3 (из 11) пары, различающиеся по признаку "звонкость-глухость" /v-f, d'-t', z-s/. Это позволяет предположить, что для китайцев, обучающихся русскому языку, реализация признака "звонкость-глухость" будет сопряжена с большими трудностями, чем освоение противопоставления "мягкость-твердость".

*Л.Э.Калнынь
Москва*

Языковая ситуация в Нижней Лунице как результат политики германизации этой территории

На территории, заселенной лужицкими сербами, история как бы в наиболее чистом виде поставила эксперимент с целью выяснения того, как реагирует славянская языковая стихия на иноязычное давление. Географическое положение лужицких сербов на крайнем Западе Славии предопределило их соприкосновение и конфронтацию с германским миром, более мощным и организованным, чем серболужицкие этнические образования того же времени. Важным компонентом политики германизации славян было негативное

отношение к славянской языковой практике, имевшей законодательное оформление.

Проводившаяся на протяжении веков германизация привела к исключению славянского языка и замене его немецким на большей части Лужицы. Население, продолжавшее пользоваться серболужицким языком, образовало относительно замкнутую этническую общность. Языковая жизнь Верхней и Нижней Лужицы имела как общие, так и различающиеся черты. В докладе речь идет о Нижней Лужице.

Современная языковая ситуация в Нижней Лужице в своей специфике полностью является производной от того иноязычного давления, которое испытывали носители лужицкого языка. Особенности языковой ситуации состоят в следующем.

1) Ограничение функционирования нижнелужицкого языка рамками сельской жизни.

2) Сельская речь репрезентует диалектные формы языка. При этом родной язык нижнелужицких сербов в качестве кодифицированного оппонента имеет не нижнелужицкий литературный язык, а немецкий. Это означает, что нижнелужицкие диалекты не испытывают воздействия со стороны литературной формы языка.

3) Сужение территориально-диалектных групп как сферы использования нижнелужицкого языка. Это в конечном итоге привело к тому, что в Нижней Лужице за пределами своей деревни общение стало осуществляться на немецком языке (при массовом билингвизме это не составляет труда).

4) Генерационные ограничения в использовании нижнелужицкого языка, когда молодое поколение предпочитает немецкий язык, создают известный разрыв между поколениями, затрудняя воспроизведение языка во времени.

5) Совокупность перечисленных обстоятельств привела к тому, что особенностью современного нижнелужицкого диалектного пространства является изолированное функционирование включенных в него частных диалектных систем. Здесь нарушено представление о диалектном континууме. Актуальными остаются: структурная непрерывность – нижнелужицкий диалектный язык в каждой точке своего распространения наряду с особенностями специфическими обладает чертами, общими для всех диалектов; территориальная непрерывность – нижнелужицкий язык занимает относительно компактную территорию. Непрерывность же функционирования, когда территориально ограниченный вариант языка используется его носителями и за пределами своего коллектива – такая непрерывность нарушена.

6) Особенности функционирования нижнелужицкого языка обусловили его большую диалектную дробность. До XVIII в. ни один официальный институт, включая церковь, не поддерживал национальное самосознание лужицких сербов. Единственной опорой в этом плане была народная традиция и родной язык (т.е. диалект). Это способствовало консервации диалектных особенностей, что и отражает современный нижнелужицкий диалектный ландшафт.

Языковая ситуация в Нижней Лужице свидетельствует о том, что иноязычное давление на определенном этапе порождает необратимые пролонгированные последствия. Это тот этап, когда язык не включается в сферу городского общения. Не преодолев этот стереотип, нижнелужицкий язык все более сужает сферу своего употребления.

И.А. Калужская, В.Л.Цымбурский
Москва

К истории некоторых родственных наименований рептилий в Балканском ареале

Проделанный в одной из наших работ (Калужская-Цымбурский 1991) этимологический и культурно-мифологический анализ ряда фонетически близких современных балканских названий рептилий (рум. *bălaur* 'дракон, сказочное чудовище', 'змея', алб. *bullar* m. 'рептилия в виде змеи с вырожденными конечностями, *Pseudopus arus*', с.-хорв. *блăвор* 'змеевидная безногая ящерица из рода медяниц, длиной около 1 м, *Orphisaurus arodus*, в народе ошибочно принимаемая за змею', 'вид морской рыбы' [Дубровник],

blavor m. 'какая-то змея' [с XVI в.], *blavur*, также *мүлăвар* 'то же, что *блăвор*', *mulavar* 'некий ужасный змей, о котором рассказывают люди в Новом [Винодол]', ЛИ *Млăвар* словен. *blàvor* 'чудесная змея с алмазной короной' [Засавье], *babor* [Истрия], *mlàvor* [Крас], *molàver* 'змеиная болезнь, возникающая, если убитому гаду не отрезать голову') позволил в новом свете взглянуть на их соотношение с древними балканскими формами (догреч. *Βέλλερος*, фрак. *Βέλλουρος*, *Βελλυρης*, *Βόλουρος*, *Волерон*, греч. *μόλουρος*, 'вид змей', *μόλουρις*, 'саранча, червь; маленькая лягушка') и, в конечном счете, на этимологию всего гнезда. Для сравнения было привлечено также

кельтское название сказочного чудовища *Balor* и др.-кельт. наименование мыса на юго-западе Британии *Volériov*, *Velériov*. Исходя из прослеживаемой в мифологической и фольклорной традиции соотнесенности означенных персонажей с камнем и скалой, была высказана догадка об их связи с и.-е. гетероклитической основой **bhel̥-*: **bheln̥d̥*, восстанавливаемой для др.-в.-нем. *bilorn* 'десна'; при этом цепочки расширений (**-n-ero-*, **-nu-ro-*) отразили контаминацию элементов старой гетероклизы (ср. лат. *it-er: it-in-er-is*); далее – к и.-е. **bhel-/ *bh̥l-* 'раздуться, вспухать, выситься, расти' (Pokorny I, 120-121): арм. *blur*, *bolur*, *boror* 'округлый холм, tumulus', кимр. *bâl* 'возвышенность, горная вершина', др.-исл. *bolllr* 'шар', *bali* (< **bholen-*) 'возвышенность на побережье или на равнине', греч. *φελλεύς*, *φελλός* 'каменистая местность' (Hes.), *φελλίς γῆ* 'каменистая местность' (Poll.) и, наконец, *φέλλερα* 'каменистые места, козы пастбища' и др.

Семантическое обоснование указанного сближения было выстроено на серии взаимоподдерживающих косвенных аргументов, раскрывающих роль камня в известной реконструкции индоевропейской мифологемы поединка бога-героя с хтоническим противником-змеем, как атрибута, общего для побеждающей и побеждаемой сторон ('камень, скрывающий хтонического противника, раскалывается камнем небесного бога").

Среди приведенных выше древних и современных балканских форм ключевыми для сравнения оказываются фрак. *Bólouros*, *Voleròv*, (до)-греч. *μόλουρος* (чередование *b/m* указывает на восточно-балканский ареал, как на исходный), алб. *bullar* (< **bolauro-*) и с.-хорв. *blâvor*, *mulâvâr*, словен. *blâvor*, *mlâvor*. Для с.-хорв. *blâvor* П.Скок реконструировал прототип **b̥laur* < **holauro-* с последующим падением безударного *ъ* и возникновением *v* в hiatusе. Формы с начальным *m-* продолжают вариант **molauro-* с характерным для фракийской зоны переходом *b>m*. В самих же ю.-слав. формах Скок видел "редкий дославянский реликт на Балканах, родственный румынскому и албанскому" (Skok I, 169-170), ср. мнение Зольты: "Es scheint, dass man hier einen Blick in den alten Balkanraum tun kann" (Solta 1980, 53). Рум. *bâlaur*, сохранив в фольклоре следы древнейшего пласта балканской мифологии, в формальном отношении представляет, по-видимому, довольно позднее, переоформленное образование, не имеющее решающего значения для реконструкции.

Главной проблемой остается возможность непосредственного совмещения древнебалканской формы вида **boluro-* с более поздней **bolauro-*, реконструируемой в качестве прообраза южнославянских и албанской лексем. Не видя иной возможности преодолеть фонетические трудности, мы предлагаем прибегнуть к гипотезе о языке-посреднике, стоящем между древними диалектами западных Балкан и современными языками, характерной чертой которого должен быть своеобразный фонетический переход *u>au*. В качестве единственного возможного кандидата на роль подобного посредника может претендовать удовлетворяющий всем географическим и лингвистическим условиям далматинский язык – бытовавший на Адриатическом побережье и островах наследник западнобалканской народной латыни. В нем лат. *ij* и *o* в открытых слогах устойчиво отражаются как дифтонг *au*: далм. *krauk* 'крест' <лат. *crūce(m)*, далм. *nauk* 'орех' <лат. *nūce(m)*, далм. *gaula* 'глотка' <лат. *gūla*, далм. *peraцi* 'племянник' <лат. *perōte(m)* и пр. Совершенно очевидно, что в таком языке форма типа *Волуорос* закономерно должна была дать **bolauro-*, правильными продолжениями которого, в свою очередь, являются, соответственно, алб. *bullar*, с.-хорв. *blāvōp*, словен. *blavor* <**bъlavorъ* (безударное *o*, возможно, суженное уже в далматинском, отразилось как слав. *ъ*). К сожалению, полное отсутствие сведений о далматинском ударении позволяет нам только предполагать, что сдвиг акцента с третьего от конца слога на второй произошел также в далматинской языковой среде. С.-хорв. *mulāvār* и словен. *molāver* должны представлять рефлексы древнего **molauro-* с сохранением места ударения (по крайней мере, на момент заимствования).

Калу́жская И.А., Цымбу́рский В.Л. Греч. Βέλλεροσ, рум. *bălaur* и др. (Из истории мифологических представлений Юго-Восточной Европы) // *Terra Antiqua Balcanica VI. Serdicae*, 1991

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I-II. Bern. 1949-1959.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga i srpskoga jezika*. I-IV. Zagreb, 1971-1976.

Solta G.R. *Einführung in die Balkanlinguistik*. Darmstadt, 1980.

Разновидности словесных ритмических структур в русских говорах и неславянское окружение

Просодическая система языка обладает высокой степенью консервативности. Это относится и к просодии слова, в том числе к его ритмической организации (известно, в частности, что при отходе от фонетических черт того или иного диалекта в речи его бывших носителей наиболее устойчиво сохраняется именно ритмика). Поэтому следы давних межъязыковых контактов могут проявляться именно в ритмической организации слова современных языков или диалектов.

Современные русские говоры характеризуются различными ритмическими структурами. Их классификация разработана С.С.Высотским (1973). Не останавливаясь на всех различающихся схемах, рассмотрим только две основных - с усилением слогов через один (волнообразный контур) и с усилением 1-го предударного слога при слабых других безударных слогах (условно обозначим такую схему как "сильный центр и слабая периферия"). Первая схема свойственна современным севернорусским говорам, вторая - среднерусским и некоторым южнорусским.

Кажется парадоксальным тот факт, что именно первая схема, волнообразная, характеризующая севернорусские говоры, напоминает ритмику фонетических слов в других славянских языках, в то время как привычная для нас, носителей литературного языка, вторая схема выглядит на фоне других славянских языков некоторой аномалией. Некоторые исследователи усматривают в формировании ритмической схемы "сильный центр и слабая периферия" субстратное влияние языков финно-угорской группы (в частности, мордовского языка).

Эта, а также другие возможные гипотезы будут рассмотрены в докладе.

Славяно-восточнороманские языковые контакты и дифференциация дакорумынских диалектов

А.И.Яцимирский, первый из российских филологов, обратившийся к углубленному изучению славяно-румынских лингвокультурологических отношений и сформулировавший ряд принципов такого изучения, которые не устарели и поныне, сравнивал территорию обитания румын с “живым романским островом, одиноко стоящим среди огромного славянского моря и совершенно разъединенного с остальными народами родственного происхождения”. С большой, возможно, преувеличенной экспрессией он писал: “...Если славянское море волновалось, то и романский остров не оставался чуждым этому волнению: его края то уменьшались, то увеличивались; иногда появлялись новые островки, удаленные от главного, иногда от больших островов оставались самые незначительные возвышенности... Румыны почти немыслимы без славян, и влияние последних заметно во всех решительно областях румынской культуры, понимая ее, конечно, в самых широких границах термина”. И далее: “...Значение для славянских изучений румынского языка, истории, культуры, письменности и этнографии не подлежит сомнению... С другой стороны, румыноведение немыслимо без изучения славянства”.

Интерес ученых-славистов к указанному кругу вопросов существовал на протяжении всего XX века, однако следует признать, что в силу объективных причин (в частности, отсутствие специальных усилий по систематическому накоплению новых фактов, восприятие подобной задачи как все-таки периферийной для славистики в целом) они разрабатывались от случая к случаю. В истории румынской филологии (resp. лингвистики) периоды, когда проблема славяно-румынских взаимодействий вызывала негативную реакцию (поскольку обращение к ней рассматривалось как отрицание “романскости” румынского языка, культуры и даже – “самости” румынского народа), сменялись периодами интенсивного и заинтересованного изучения различных аспектов подобных отношений – в сфере книжнописьменных языков (= письменности в целом), в сфере живых, актуальных контактов этносов и языков (= диалектов) и под.

Пик интереса к результатам взаимодействия румынского и иных языков на диалектном уровне, по-видимому, пришелся на

время, когда в русле развития европейской диалектографии (и лингвогеографии), был в основном реализован проект общерумынского (=дакорумынского) атласа (С.Поп, Э.Петрович - [ALR]). Этот атлас (1) дал достаточно полное описание ряда языковых страт (и прежде всего лексики, фонетики) румынского диалектного континуума – в его единстве (=общие черты) и дифференцированности (=вариативные черты), (2) указанная дифференциация выявляется на основе репрезентативных пучков изолекс, изофон и под., имеющих различные конфигурации, и свидетельствует о существовании 4(5) диалектных областей (а также ряда переходных зон); (3) ALR демонстрирует, что членение диалектного пространства осуществляется с помощью изоглосс не только исконных элементов, но и заимствованных (прежде всего из славянского). Эти изоглоссы, по мнению некоторых румынских диалектологов, "являются не славянскими, но румынскими, а процесс их установления (=стабилизации) протекал на румынской почве" (отсюда – частотность ареалов-славизмов <<островного>> характера, значительные различия семантики отдельных лексем в румынском и в славянском <<источнике >>, несовпадение ареалов апеллативных заимствований и топонимов славянского происхождения и др.) (E.Petrovici). Именно в возможности несоответствия современных результатов славяно-румынских контактов (=изоглоссы славизмов) некоей <<модели>> процесса "иррадиации" и "экспансии" указанных элементов усматривалось принципиальное препятствие для использования материалов ALR в исследованиях по истории славянских языков (и, в частности, для прямого сопоставления данных современных славянских диалектов и славизмов в румынском на картах ОЛА) (E.Petrovici). Справедливая, в общем, критика этой точки зрения (С.Б.Бернштейн) была воспринята в 60-е гг. скорее как чисто умозрительная.

Однако рассмотренное выше решение ныне представляется не столь бесспорным. Пересмотру его способствуют два фактора. Во-первых, современный этап развития лингвогеографии характеризуется созданием, помимо региональных, национальных атласов, также атласов полилингвальных, описывающих не только генетически гомогенные континуумы (ср. ОЛА), но и генетически гетерогенные (ОКДА, ЛАЕ). Именно последние открывают перспективу по-новому интерпретировать – в отношении и языка-реципиента, и языка-источника – глубинное значение некоторых изолиний, пересекающих "границы" отдельных национальных языков и "формирующих" *синхронные* полидиалектные (=полилингвальные) ареалы. т.е. трактовать подобные ландшафты как развернутую в

пространстве *диахронию*, как кодированный особым (ареалогическом) образом фрагмент истории не только румынского, но славянского языков.

Во-вторых, эксплицированы (В.Н.Топоров) новые подходы к изучению языковых единиц, объединяемых обычно термином <<заимствование>>. (1) Они рассматриваются в контексте двухстороннего (но и многостороннего) подлинного взаимодействия языков, т.е. в ситуациях обоюдно выгодного языкового обмена, когда “получающий” язык обогащается за счет новых элементов (=“чужое” становится “своим”), а “дающий” расширяет сферу функционирования “своего”, (2) ареалогические аспекты (=пространство контакта языков-диалектов) раскрывают сложность самого процесса взаимодействия, поскольку в нем сопрягаются полицентризм источников заимствований & полихроничность актов заимствования (=временная стратификация заимствований) & множественность результатов, получаемых в ходе взаимовлияний (=конкуренция “своего” ~ “чужого”, способы ее преодоления; формы адаптации “чужого”, его развитие и др.).

Таким образом, обращение ныне к проблеме связи между дифференциацией румынского диалектного континуума (с учетом географии славизмов) и процессами исторического развития самих славянских языков вовсе не исключает изложенную выше точку зрения; вероятно, что некие “первичные” ареалы славянских заимствований, установившиеся к XV в. (Э.Петрович, Г.Михаилэ и др.), не оставались неизменными, а наоборот, с течением времени деформировались (уменьшались, увеличивались), “дрейфовали” (разрывая связь с массивом диалектов славянского языка-источника и тем самым затемняя детали развития заимствований в пространстве и времени). Вместе с тем, на наш взгляд, возможны (1) экстраполяция современного соотношения “дистантных” ареалов и реконструкция предшествующих ареалогических ситуаций, для которых степень “континуированности” соответствующих форм и смыслов была выше; (2) корректное вовлечение славизмов в румынском в поле собственно славистических исследований, хотя это и является сложной задачей (особенно, если таким полем оказываются сема-онома-сиологические отношения). Нам представляется, что важное условие содержательных историко-лингвистических интерпретаций рассмотренных выше ареалогических ситуаций – расширение славянского контекста (=“фона”) исследований за счет материалов славянских и многоязыковых атласов разных типов (ОЛА, ОКДА, ЛАЕ) и других трудов по лингвогеографии Юго-Восточной Европы; с другой стороны, – совершенствование методов “декодирования” не

только лексических, семантических, но и особенно "мотивационных" карт.

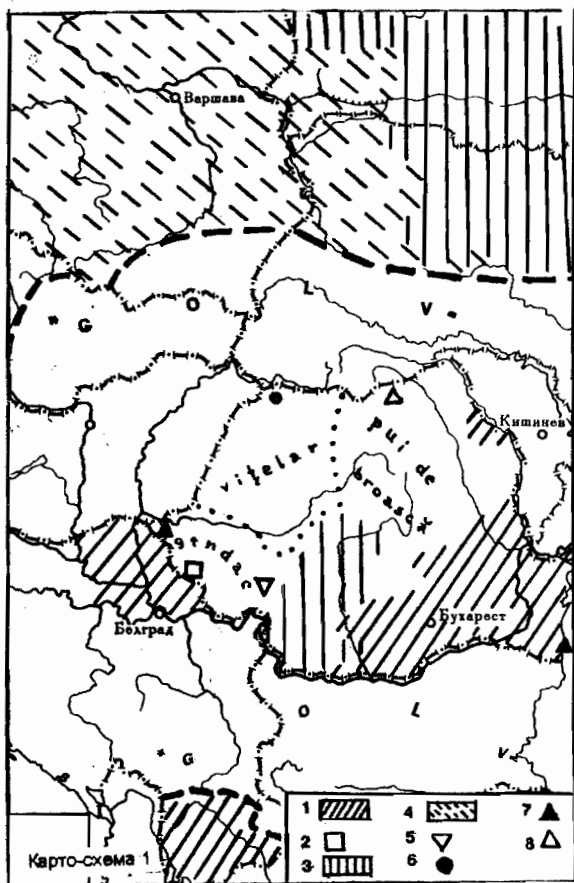
В качестве примера анализируется география следующих явлений: 1. сопоставление рум. *ródnogî (=ji)* (ALR) 'часть ткацкого станка, подножки' ~ однокоренные термины в болгарских говорах (БДА); 2. румынские названия для 'дощечек, которыми покрывают крышу' в контексте карпато-балканской макрзоны (ОКДА); 3 семантика рум. *romañă* (: слав. *ромѣль*) ~ карпатоукр. (буковинск.) *romana* (< румынского) (ALR; ОКДА); 4. параллелизм названий 'головастика' в румынском и славянских языках (лексический и мотивационные критерии) (ALR; ОЛА).

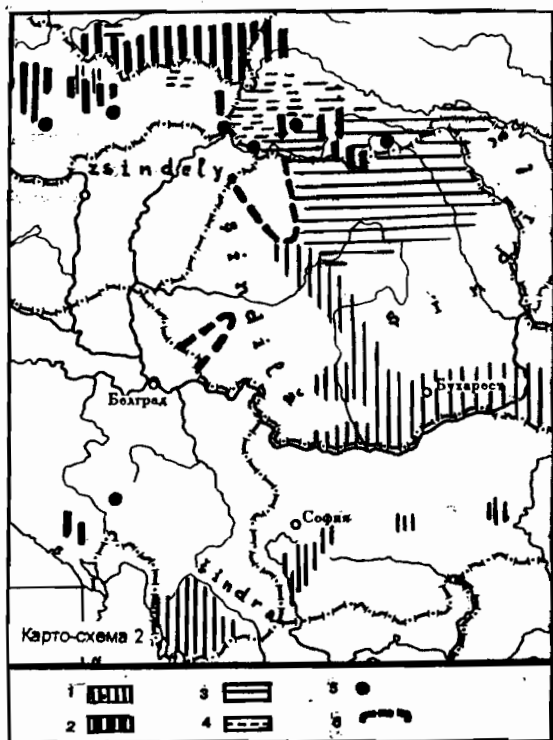
Карта-схема 1. Названия головастика. 1 - внутренняя форма <<(большая) ложка>> (рум. *lingurăș* ~ укр. *оро'lonək* ~ блр. *ара'lon'ik*), 2 - внутренняя форма <<палка>> (рум. *bótă* ~ укр. *праč[ук]* ~ польск. *ki'jonka* ~ блр. *pran'ik*), 3 - **тъгт*= (рум. *mórmoloc* ~ макед. *'mэгтoгec*), 4 - серб. диал. *mгmol'ac*, 5 - болг. диал. *glăuóč*, 6 - рум. диал. *pulihoc*, 7 - рум. диал. *kițabogu* (: *vizibornu*).

Карта-схема 2. Дощечка, которой покрывают крышу. 1 - рум. *șiță* ~ словц. *'doštica* ~ макед. *'ščica*, 2 - **дъска*, 3 - рум. *draniță* ~ укр. *dranica*, 4 - укр. *dranka*, 5 - рум. *șindilă* и др., 6 - *scîndură* (=внутренняя форма <<доска>>).

Карта-схема 3. Названия детали ткацкого стана (=подножки). 1 - рум. *ródnogî (=ji)* ~ болг. подножки, 2 - рум. *rónoj'* ~ укр. поножі и пол., 3 - рум. *tălpigă, =iță*. 4 - рум. *iere*, 5 - болг. диал. *crăcá(tă)*, 6 - серб. диал. *podnojnîk'ę*.

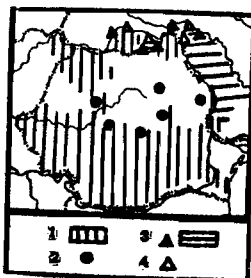
Карта-схема 4. Семантика +*romana*. 1 - 'поминки', 2 - 'номинальная служба', 3 - 'подавание', 4 - 'одаривание'.

Карто-схема 3

Карто-схема 4

Славяне в восприятии славян и некоторых европейских неславянских народов (итальянцы)

1. В России и некоторых славянских странах в силу определенных исторических и политических причин вновь стала актуальна проблема "славянства". Сопоставляя отдельные факты и обобщая их, можно утверждать, что страны православного ареала (*Slavia orthodoxa*) активно культивируют собственное славянство, а страны католического ареала (*Slavia catholica*) стараются его не особенно акцентировать. Такое утверждение славянства одними и игнорирование его другими может привести к трагикомическим ситуациям. Так, в начале августа 1995 г. после успешного наступления хорватской армии против сербов в Краине представитель российского министерства иностранных дел, желая, очевидно, слегка припугнуть хорватов и косвенно заявить о поддержке сербов, пригрозил, что русские могут вспомнить, что они тоже славяне, считая, по всей видимости, таковыми только сербов и забыв, что ими являются и хорваты и, *horribile dictu!*, боснийские мусульмане. Таким образом, и внутри славянской (восточнославянской, православной) модели мира возникает оппозиция славяне/неславяне (точнее: славяне/незастоящие славяне - неславяне), и знаменитое восклицание *Все мы славяне!* применимо в данный исторический момент уже, очевидно, не ко всем братьям-славянам.

2. В Италии, как и в других странах Западной Европы, среди "неинтеллектуалов" существует целый ряд стереотипных представлений о славянах – положительных: славяне сильные и работоспособные; славяне хорошо (от рождения!?) знают иностранные языки или сразу и очень легко их выучивают; и отрицательных: дикий и агрессивный народ. При этом такое сильно мифологизированное представление о славянах – предельно абстрактно, так как не особенно понятно, кто же относится к славянским народам. Ими могут оказаться и венгры, и балтийские народы, и даже любой народ бывшего Советского Союза. С другой стороны, в разговорном и газетном языке имя существительное *slavo* 'славянин' и имя прилагательное *slavo* 'славянский' приобрело значение соответственно 'югослав' и 'югославский'. Здесь можно наблюдать два противоположно направленных явления: во-первых, перенесение значения с общего большего (но малоизвестного) на конкретное меньшее, ближнее и более знакомое (славяне - югославы); а во-вторых, различение внутри этого меньшего еще более конкретных

элементов (югославы, но не словенцы, хорваты, сербы, черногорцы, боснийцы(?), македонцы и др. – раньше или сербы и черногорцы – сейчас). Такой перенос значения часто может привести к недоразумениям: *Sono ucraino e quindi slavo. - Sì, sì, ma non slavo dell'ex - Jugoslavia?* ‘Я – украинец и, следовательно, славянин. – Да, да, но не славянин из бывшей Югославии? (т.е. не югослав)’.

В последнее время итальянская лексема *slavo* приобрела еще и дополнительное значение ‘цыган’, ‘цыганский’, поскольку большинство находящихся в Италии цыган прибыло из бывшей Югославии (славянин= югослав = цыган). Таким образом, *slavo* приобретает отрицательный оттенок или употребляется в определенном контексте, ср. в газетах *Furto in negozio. Arrestato uno slavo sospetto* ‘Кража в магазине. Арестован подозрительный славянин (т.е. цыган)’.

Такое неразличение “славян” тем более странно, что славяне не являются для Италии чуждым элементом. Как известно, в Северо-восточной Италии (Фриулия, Венеция-Джулия) проживает словенское национальное меньшинство, часто жалующееся на этнические-бытовые предрассудки по отношению к ним со стороны итальянцев.

“Не повезло” в Италии и другому славянскому народу – болгарам. Последнее издание словаря итальянского литературного языка *Zingarelli* под словом *bulgaro* приводит как одно из значений ‘тупой, послушный режиму’. Действительно, в итальянской прессе слово *bulgaro* очень часто встречается именно с этим значением: *voto bulgaro* ‘болгарское голосование’ – о выборах с заранее предпрешенным единогласным исходом. Злоупотребление этим эпитетом в газетной лексике стало в последнее время настолько очевидным, что итальянская славистка Д.Ди Сора вынуждена была выступить в газете “Манифесто” в защиту болгар и болгарской культуры. Перенос значений в случае итальянских *slavo* и *bulgaro* можно рассматривать как своего рода социально-культурно-лингвистический феномен утверждения в разговорной речи “неинтеллигентной” интерпретации.

Постпозитивный артикль: скандинавские и славяно-балканские факты

Как известно, понятийная категория определенности/неопределенности в имени относится к числу универсальных лингвистических категорий. В языках мира она имеет разнообразные формальные средства выражения. В скандинавских (датском, шведском, норвежском, исландском) и балканских (болгарском, румынском, албанском, греческом) категория определенности/неопределенности грамматикализировалась, т.е. ее формальное выражение стало обязательным. В перечисленных языках существуют специальные грамматические (морфологические) и лексико-грамматические показатели определенности и неопределенности имени – артикли. Рассмотрим в сравнительном плане артикли, выражающие определенность и неопределенность в болгарском и шведском.

1. Оба языка характеризуются наличием определенного постпозитивного суффицированного артикля (морфологический способ выражения определенности). При этом суффикс - определенный артикль присоединяется не к основе, а к готовой форме слова, уже снабженной окончанием: бол. *жен-а* - *жена-та*, шв. *flick-a* - *flick-an* 'девочка'. Форма определенного артикля в обоих языках видоизменяется в зависимости от числа и рода существительного, а также от того, на какой звук оканчивается данное существительное: бол. *град-ът*, *баща-та*, *дядо-то* (муж.р.), *пролет-та*, *жена-та* (ж.р.), *село-то*, *море-то* (ср.р.), *крака-та*, *вълчи-те*, *ръце-те* (мн.ч.); шв. *månad-en* 'месяц', *by-n* 'село' (общ.р.), *bord-et* 'стол', *rike-t* 'государство' (ср.р.) *flickor-na* 'девочки', *mann-en* 'люди', *bin-a* 'пчелы' (мн.ч.). Поскольку шведский не различает мужского и женского рода, объединяя их в общий род, наборы постпозитивных артиклей в болгарском и шведском языках оказываются разными. С другой стороны, в болгарском определенный суффицированный артикль в ед.ч. имеет две формы – полную и краткую: *-ът*, *-ят* – полная, *-а*, *-я* – краткая. Шведский же язык не делит постпозитивный артикль на полный и краткий варианты. Более существенное различие состоит в том, что в шведском имеется еще и препозитивный свободно стоящий определенный артикль (лексико-грамматический способ выражения определенности). Правда, он употребляется лишь в отдельных случаях, например, когда существительное определяется прилагательным, причастием или порядковым числительным, и не вместо суффицированного артикля, а, как правило, одно-

временно с ним: *den varma dag-en* 'теплый день', *det friska barn-et* 'здоровый ребенок', *de varma dagar-na* 'теплые дни'. В болгарском же определенность существительного может быть выражена только с помощью постпозитивного артикля.

2. В шведском языке есть также неопределенный препозитивный артикль: *en* для общего рода (*en flicka* 'девочка') и *ett* для среднего рода (*ett barn* 'ребенок'). Во мн.ч. неопределенный артикль представлен нулем: *flickor* 'девочки'. В болгарском языке для подчеркивания неопределенности существительного используются ослабленные формы порядкового числительного 'один' в артиклевой функции: *един ден*, *една жена*, *едно село*, *едни жени*. В отличие от русского языка, в болгарском значение этого числительного настолько ослаблено, что при переводе предложения типа *Какво искаш от една жена, която не обичаш?* 'Чтого ты хочешь от женщины, которую не любишь?' на артиклевый язык, например, на шведский, необходимо употребить неопределенный артикль. На этом основании иногда говорят о неопределенном препозитивном артикле. Однако следует заметить, что во-первых, в болгарском языке обсуждаемый так. наз. неопределенный артикль обладает формой мн.ч. *едни*, что неопределенному артиклю вообще не свойственно, во-вторых, он используется более или менее факультативно. В этом важное отличие от шведского неопределенного артикля. Указанные обстоятельства заставляют усомниться в том, что неопределенный артикль в болгарском устоялся. Многие лингвисты, например, Л.Андрейчин, его не упоминают, но другие, например, Ю.С.Маслов, признают существование в болгарском языке неопределенного препозитивного артикля.

3. Во многих артиклевых языках различается так наз. нулевой артикль, под которым понимается значащее отсутствие артикля. Так, неупотребление артикля при форме мн.ч. существительного обычно указывает на значение неопределенности этого существительного (шв. *dag-en* 'некоторый день' - *dagar* 'некоторые дни'). Нулевой артикль при существительном в ед.ч. усматривается тогда, когда предмет, обозначенный существительным, берется вне момента классификации или индивидуализации, например, нулевой артикль характерен для слов, называющих вещество и абстрактные понятия (бол. *вино*, *любов*; шв. *gula* 'золото' *frihet* 'свобода'); он может получить значение обобщения (ср. бол. *език* 'язык вообще' и *езикът* 'какой-то конкретный язык') и проч.

4. И в болгарском, и в шведском языках нулевой артикль следует отграничивать от случаев, когда неупотребление артикля несет смысловую нагрузку и вызвано какими-либо техническими

или стилистическими причинами, например, артикль может отсутствовать перед именами нарицательными, стоящими перед географическими названиями, названиями газет, журналов, в заголовках и т.п. Часто артикль опускается по языковой традиции в разного рода устойчивых выражениях, в народных песнях, пословицах и поговорках.

5. Категория определенности/неопределенности в прилагательном отражает определенность/неопределенность существительного, к которому оно относится. В болгарском определенные формы образуются от неопределенных присоединением суффиксов, которые различаются в зависимости от рода и числа, а также от окончаний неопределенных форм прилагательных: *бял (бели) – белия(m), бяла – бяла-та, бело – бело-то, бели – бели-те*. В шведском определенная форма образуется с помощью суффикса *-a(-e)* для всех родов и чисел: *ung – ung-a* 'молодой, молодая' (общ.р.), *frisk-t – frisk-a* 'здоровое' (ср.р.), *ung-a – ung-a* 'молодые' (мн.ч.). Определенная форма прилагательного в болгарском языке не дублирует определенную форму существительного: *царския син* (но не **царския синът*). Иными словами, в атрибутивных сочетаниях определенный артикль присоединяется не к существительному, а к его определению; если же определений несколько, то обычно – к первому из них: *нашата зелена гора*. В шведском языке положение иное, там прилагательное повторяет определенную форму управляющего существительного, причем кроме постпозитивного артикля используется и препозитивный: *ett frisk-t barn* 'некоторый здоровый ребенок' – *det frisk-a barn-et* 'известный здоровый ребенок'.

Итак, болгарский и шведский языки, принадлежащие к генетически разным группам, демонстрируют при некоторых принципиальных различиях значительные семантические, формальные и функциональные сходства в области категории определенности/неопределенности имени, имеющей в них грамматический характер. Эти сходства не возникли в результате ареальных контактов обсуждаемых языков, природа этих сходств типологическая.

Об одном типе заимствования

Специфика балто-славянских языковых взаимодействий обусловлена историей и характером сосуществования этих языков. Так на протяжении полуторатысячелетнего сепаратного развития славянского возникла ситуация неоднократного заимствования одной и той же лексемы из языка в язык, при этом балтизм в славянском на следующем этапе оказывался славизмом в балтийском. Такая размытость признака языковой принадлежности, особенно в зоне балто-славянского пограничья, приводила к народноэтимологическому осмыслению исконно балтийского через славянский и наоборот. Речь идет о нередких случаях типа толкования информантом происхождения лексемы *kādra*, которая в говоре Гервят имеет значение 'болотистое место, поросшее кустарником' по связи со славянским *кудрявий*.

Особый тип заимствования возникает в случае балто-славянской (индоевропейской) лексики, когда в каждой языковой группе лексема проходила свой путь семантического развития, манифестируя различные регистры общего смысла, затем она в одном из значений заимствовалась в другой язык и далее обретала дополнительные семантические свойства, которых у нее не было в языке-доноре.

Основной иллюстративный материал связан с ключевым индоевропейским термином обмена *gostь*, который после предложенной В.Н.Топоровым этимологии прусского *gasto* (Прусский язык. Словарь. Е-Н. М., 1979, с. 169-173) может считаться балто-славянским. Однако из всего семантического многообразия в балтийском через этот корень реализован лишь пространственный регистр значений; многочисленные другие, воплощающие оппозицию 'свой-чужой' главным образом в переходных и изосемантических им обрядах, здесь манифестируются посредством корней **svet-* и **vieš-* (Л.Г.Невская. Концепт "гость" в контексте переходных обрядов//Символический язык традиционной культуры. М., 1993, с. 103-114). И тем не менее именно в круге пространственных значений возник прорыв. Речь идет о литовском *pāgastas*, которое через латышское *pagasts* заимствовано из русского *погост* не позднее конца 18 в. (одна из первых фиксаций - у С.Даукантаса) (Fraenkel LEW. 524). Круг значений рус. *погост*, которым занимался А.А.Потебня, систематизировал А.Преображенский: 1. место гошения, постоялый двор. 2. стан. станция для князей, наезжавших для

дани, 3. самая подать, которую платили князю, 4. совокупность деревень, тянувшихся к погосту (месту стояния князя), 5. церковь, которая строилась в погосте, 6. кладбище при церкви, 7. вообще кладбище, 8. приход, совокупность деревень, тянувшихся к этой церкви (Преображенский 85). В "готовом виде" этот русизм попал в латышский и литовский языки в значении 'волость (церковная и светская)' (см. 8 значение у Преображенского) (М-Е, III, 28; LKŽ, IX, 76). Однако для значения 'собрание крестьян по поводу сбора пошлины', укоренившегося в латышском настолько, что вошло в текст народной песни, нет непосредственного источника в реестре Преображенского и в "Словаре русских народных говоров". Не отмечено здесь также "обменное" значение '(совместный) дар (сбор, пожертвование) гостей молодым на свадьбе' (М-Е, III, 28; LKŽ, IX, 76) (в латышском сюда же вовлечен и крестинный обряд). О высокой степени освоенности лексемы свидетельствует используемая при этом формула лтш. *pagasti meš.* лит. *meta pagastų*. Язык-реципиент внутри себя развивает значение, которого не было в языке-доноре. Однако сильная семантическая закономерность, действующая в семантическом поле гощения, детерминирует его появление и здесь удерживает в пределах смысла всего поля.

Т.М. Николаева
Москва

Славянские языки в контакте: просодия

1. Идея определить для всей просодической системы совокупности славянских языков ЦЕНТР, понимаемый как неинтерферируемая при всех контактных вариациях зона, и ПЕРИФЕРИЮ (периферию языковую, а не ареальную), в большей степени открытую для контактного влияния, при первом к ней приближении кажется не реализуемой из-за целого ряда трудностей теоретического и фактографического характера.

2. Прежде всего, просодия любого языка есть многоярусное иерархическое образование, начиная хотя бы со структуры слога и кончая просодической структурой высказывания. Эта многоярусность иерархии, несомненно есть продукт длительной эволюции с иноязычными контактами на разных хронологических этапах и потому, скажем, контактное влияние на уровне слова может не коррелировать с влиянием на уровне высказывания.

3. Просодия кодифицированного литературного языка, как правило, отличается от просодии диалектов (это очень ясно из работ Р.Ф.Пауфошимы), во-первых, и от просодии разговорного варианта (см. работы Н.Н.Розановой и др.), во-вторых. Кодификация же проходит в разных языках одной и той же группы по-разному; поэтому сложно разграничить факт влияния соседящего литературного языка на диалект и разную степень прохождения этапов одного и того же эволюционного процесса.

4. Поскольку методы внутренней реконструкции для просодической системы пока еще серьезно не разработаны, то некоторое общее по языкам явление, например, рефлексы политонии в сербохорватском, словенском и языках Скандинавии (или рейнско-германских диалектах) можно понять и как самостоятельные по генезису процессы, и как продукт типологической конвергенции или, вслед за Р.Якобсоном, считать это явление периферийным реликтом на фоне развившейся общеевразийской тенденции к монотонии.

5. Существенно также осознать и тот факт, что единой по всем параметрам славянской просодической системы, приближающейся, например, к тюркской, в сущности нет. Так, например, мелодика общего вопроса в западнославянских языках заканчивается подъемом вплоть до абсолютного конца. Этот же тип вопроса в восточнославянских языках заканчивается постударным снижением. Первая фигура фонологически совпадает с аналогичной реализацией *yes/no* вопроса, то есть общего вопроса, в западноевропейских языках; вторая – с реализацией общего вопроса в финно-угорских языках. До какой же степени, не владея датировкой абсолютной хронологии, мы можем говорить здесь только о контактном влиянии или о наличии больших ареально-просодических зон?

6. Наконец, изучение просодических явлений экспериментальными методами – это новая ветвь лингвистики. И здесь вполне реально может оказаться, что некий феномен X, ранее отмеченный как специфический для одного языка (или группы языков) обнаружится при более внимательном экспериментальном подходе в языке контактной группы, где раньше, как казалось, это явление отсутствует. Так, еще Й.Хлумским было обнаружено явление отмеченности первых двух слогов начала славянского слова (речь шла о чешском языке и отмечена была интенсивность), с падением интенсивности резко к третьему. В последние годы именно о дислоговой структуре как минимальной единице словесной просодии заговорили в связи с исследованием нидерландского языка (Экспериментальный центр в Эйндове).

7. Главным до сих пор (и в какой-то степени табуированным) остается вопрос о резких изменениях в языковой просодии под влиянием столь же резко изменившихся коммуникативных требований. Например, примерно в одно время (IV-V вв. н.э.) греческий язык окончательно перешел от музыкального ударения к динамическому, а латинский – утратил количественную компоненту слова. Это объяснялось и их взаимным влиянием (или один язык был первым?), но также и переходом к христианству с установкой на проповедь в иной социальной среде.

II

8. В связи со всем вышесказанным в докладе будут излагаться соображения о контактном влиянии/совпадении/ в больших ареальных зонах славянской просодии в контакте с неславянской. Автор работает над этой темой более 30 лет. Работа построена на данных, полученных экспериментальным путем (большая часть), а также на данных, опубликованных в литературе. Это относится к фактам финно-угорских языков (на эту тему опубликован ряд наших специальных работ) и к данным о неславянских языках Балканского языкового союза (албанском, новогреческом и румынском), проанализированным по общей для всех языков БЯС схеме (монография "Просодия Балкан" находится в печати).

9. Возможности контактного просодического влияния (взаимопроникновения) рассматриваются по иерархии от более мелких к более крупным по уровню просодическим единицам. А именно – 1) уровень ПРОСОДИЧЕСКОЙ СХЕМЫ СЛОВА: а) движение интенсивности (акцентной кривой) в слове, б) дистрибуция темпоральных характеристик в слове; 2) тип выражения СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ: а) доминирующий акустический параметр при выражении ударения, б) сила/слабость выражения ударения в данном языке; 3) инвентарь МЕЛОДИЧЕСКИХ КОНТУРОВ и их функциональная нагрузка в высказывании; 4) дистрибуция ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК в высказывании. 5) просодические характеристики НАРОДНОГО СТИХА.

10. В наших работах введено различие "ударения", которое рассматривается как факт позднейшей фонологизации и обязательно должно быть перцептивно осознанным носителями, и "просодической схемы" слова, то есть различие в нем сильных (увеличенных) и слабых точек для каждого параметра. Сильные точки акцентогенны и при переходе через перцептивный порог могут фонологизироваться в качестве "ударения".

Как правило, во всех европейских языках движение интенсивности к концу изолированного слова понижающееся, так что

абсолютно первый слог может быть намного интенсивнее ударного. Судя же по данным тюркологов-эксперименталистов, в тюркских языках эта линия повышающаяся. Подобное повышение засвидетельствовано для болгарского языка (Д.Тилков, Т.Бояджиев) и для русских говоров в татарском окружении (З.Альмухаметова). Таким образом, движение акцентной кривой оказалось поддающимся контактному влиянию.

11. Квантитативная дистрибутивная нагрузка является, пожалуй, основной особенностью славянских языков, по сравнению, например, с соседящими германскими. В большинстве славянских языков длительность есть основной показатель ударности слога. Именно так характеризуется и итальянский язык, судя по данным в монографии П.Бертинетто. Вяч.Вс.Иванов приводит специальные сведения по графическому выражению хеттского ударения, которое также наводит на мысль о темпоральной выраженности хеттского ударения. Наши собственные исследования показали, что длительность есть также основная характеристика албанского и новогреческого ударения. Таким образом, намечается зона темпоральности, идущая от Малой Азии через Балканы к славянам в Восточную Европу и к итальянской зоне. Там, где произошла фонологизация ударения по усиленной точке акцентного начала слова, в славянских языках длительность становится фонологически различающей (чешский и словацкий).

12. Ранее предполагалось, что длительность слова всегда увеличивается к последним слогам, так что заударный может быть и продолжительнее ударного (украинский, польский). Исследования языков БЯС однако показали, что может темпорально усиливаться и начало, то есть слово левоориентировано по длительности. В.Вермеером продемонстрирована остановка движения к правоориентированности слова по южнославянским языкам на разных этапах. Левоориентированным языком оказался сербохорватский (при аналогичном явлении в контактных албанском и новогреческом). Эта ориентация долготности влево и явилась, на наш взгляд, причиной так наз. "неоштокавского сдвига", когда в большом регионе осуществлялось долготное равновесие двух контактных слогов: в одном случае первый из них так и оставался "долгим предупредным", в другом же его долгота перешагивала порог перцепции, необходимой для идентификации слога как ударного, тогда второй в этом долготном ансамбле становился "долгим посттоником".

13. Общий набор мелодических контуров по славянским языкам совпадает, но дистрибуция их различается резко по линии:

общий вопрос – переспрос. В тех языках, где переспрос кончается резким повышением, общий вопрос кончается понижением и наоборот. Первая группа – восточнославянские и южнославянские языки (отчасти). К этому типу мелодики примыкают и финно-угорские языки, особенно языки Поволжья (как показал наш эксперимент). Западнославянские языки близки к контурной дистрибуции "соседей" - немецкого и литовского языков.

В пределах Балкан И. Лехисте и П.Ивичем отмечен особый тип вопроса – *reverse pattern*, соединяющий в одной комбинации черты нескольких контуров. Его знают и неславянские языки Балкан.

Необходимо сказать также о том, что набор контуров в одних языках имеет четкую дистрибуцию (русский, польский, чешский), в других дистрибуция выглядит случайной, в частности, на Балканах, где интонационные процессы близки к пиджинизации.

В целом создается впечатление первичности темпорального задания при реализации мелодической фигуры: так, мелодическая фигура может выполняться на любом звучащем отрезке – на ударном гласном – на ударном слоге – в пределах двух или даже трех (сербохорватский) слогов. На уровне чисто графическом фигуры кажутся поэтому более разнообразными, чем по сути.

14. Интонация народного стиха у славян отличается стертыми мелодическими характеристиками, резко усиленным акцентно началом и резким продлением к концу. Нами уже в 1979 г. высказывалось мнение, что русский стих, как он изучен экспериментально, ближе к украинской фразовой интонации. При анализе числа парных совпадений с другими славянскими системами, украинская интонация оказалась наиболее близка ко всем (Николаева, "Фразовая интонация славянских языков"), что возможно объясняется длительным отсутствием соседей-неславян у украинцев.

15. Таким образом, можно предположить с большой осторожностью, что основным ядром общеславянской просодии (а выше говорилось об условности этого понятия) является ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, вообще – структура ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК в целом.

Славянское словообразование в контексте проблемы “смерть языка”

Проблематика “смерти языка” привлекает пристальное внимание лингвистов с 1981 г. – момента выхода в свет книжки американской исследовательницы Н.Дориан, содержащей описание умирающего гэльского диалекта в Шотландии (*Dorian N. Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia, 1981*). Названная проблема охватывает выявление этапов процесса умирания языковых явлений, а также взаимодействия социолингвистических и собственно языковых факторов, действующих в умирающем языке. Наряду с языками, исчезающими с лица земли, объектом исследования становится и аттриция – феномен забывания родного языка, что особенно ярко представлено у эмигрантов. Это исследовательское направление поддерживается тем фактом, что языковые изменения в условиях эмиграции происходят не только из-за влияния доминирующего языка, но также и как результат остановки в развитии исходного языка. Речь эмигрантов мы и будем рассматривать ниже, предполагая, что изучение языкового распада проливает свет на сущность лингвистических явлений.

К настоящему моменту накоплены существенные социолингвистические и собственно языковые наблюдения, затрагивающие языки различных семей, причем внимание исследователей направлено прежде всего на уровни фонетики, морфологии (словоизменения), лексики, синтаксиса. Словообразовательный уровень языка только начинает привлекать внимание лингвистов. Это положение дел связано, очевидно, с самой “ускользающей” материей словообразования – как по его языковому статусу, так и по методологической проблематичности (как собирать материал?).

В этих условиях тем большую ценность представляют данные славянских языков с их развитой системой аффиксации. Как выясняется, этапы распада словообразовательной системы не являются полным зеркальным отражением ни процессов усвоения языка (родного или выученного), ни инновационных процессов, известных из истории славянских языков и протекающих, в частности, и в настоящее время.

Мы исходим из положения о том, что словообразовательную систему отдельного языка следует рассматривать как целое (ср. подход, предполагающий выявление только отдельных фрагментов

системных “сбоев”). Следует учитывать, что система умирающего языка не разваливается до последнего составляющего под натиском побеждающего языка: в определенный момент билингвы третьего-четвертого поколения эмигрантов переходят полностью на победивший язык (родители перестают разговаривать с детьми на исходном языке и под.), в то время как до этого момента родной язык составляет относительно целостную систему. В качестве объекта исследования в условиях отсутствия нормы должен на равных учитываться весь лексический материал, включая окказионализмы (образования из собственных языковых элементов, заимствования, гибриды).

В предварительном порядке, базируясь прежде всего на описаниях лексики эмигрантов-выходцев из славянских стран в англоязычных странах, можно сделать следующие предположения. Решающим фактором в иерархии распада словообразовательной системы в славянских языках служит вид связи производного слова с производящим: степень морфологических и семантических изменений, сопутствующих словообразовательному акту. Чем глубже эти изменения, тем теснее связь производящей основы и аффикса в составе производного, которое обнаруживает тем меньшую способность к деформации или расщеплению в собственном смысле слова (ср. мутационные производные ниже).

Легко заметить, что существенные изменения затрагивают диминутивы (в их стилистической функции маркеров разговорной речи) и многочисленные типы префиксальных глаголов, то есть модификационные производные. Если диминутивы просто исчезают из употребления (что отмечено, напр., в речи старообрядцев – выходцев из России – в Канаде), то префиксальные глаголы расщепляются на сочетания с заимствованными предлогами (ср. амер. пол. *zrobił to radio off* вместо *wyłącz radio*).

Мутационные производные, среди которых назовем прежде всего названия лиц мужского пола, имеют тенденцию вытесняться заимствованиями, которые могут осмысляться в рамках целостных аффиксальных моделей. Отметим, что и в языках метрополий заимствование аффиксов в огромном большинстве случаев осуществляется именно среди производных мутационного типа.

Далее, у нас нет свидетельств об ограничениях в образовании производных транспозиционного типа (названия действий и признаков), которые по своей природе принадлежат явлениям порождения текста, а не лексики. Таким образом, если субъективной функцией интерпретации мира язык может пренебречь (ср. модификационные производные), а функцию называния – заимствовать

(мутационные дериваты), то функция порождения текста, т.е. исключительно структурная, максимально приближенная к синтаксису, вроде бы не знает ограничений.

Но наиболее интересный случай, на наш взгляд, представляют имена женщин (обычно интерпретируемые как модификационные производные, хотя и с некоторыми оговорками). Эти имена обнаруживают явную тенденцию к выражению гибридными образованиями, включающими заимствованные основы в комбинации со славянскими аффиксами (ср. типичное австрал.чеш. *vejtreska* 'официантка'). Тем самым словообразовательные системы славянских языков предпочитают называть женщин маркированно производными словами.

Подчеркнем, что проверка высказанных соображений нуждалась бы в учете большого числа разнообразных побочных структурно-языковых и социолингвистических факторов, влияющих на функционирование словообразовательной системы отдельных славянских языков в условиях эмиграции, что в данных тезисах мы не обсуждали.

*Пфандль Х.
Грац*

**Культурное и языковое поведение
русских эмигрантов с 1970 г.:
постановка вопроса и первые результаты**

После отъезда более миллиона советских граждан с начала 70-х гг. на постоянное место жительства в западные страны русский язык оказался окруженным неславянскими языками принимающих стран.

Исследовательский проект с названием "Языковое и культурное поведение русскоязычных эмигрантов с 1970 гг.", финансируемый грантом Австрийской Академии наук в рамках стипендий 'APART' (с июля 1994 г. по июнь 1997 г.), ставит целью выявить максимально полную картину эмигрантской культурно-языковой личности и выяснить причины различий в языковом и культурном поведении русскоязычных эмигрантов. Будет сделана попытка установить связь различных типов поведения с прежним отношением этих лиц к своей культуре и к своему языку.

К данному моменту закончен опрос около 250 русскоязычных информантов по всему миру с помощью двух анкет, рассылаемых по почте, также по электронной почте (Интернет). В докладе будет обсужден новый метод получения данных с помощью компьютера, представлена его проблематика. Кроме того, будут показаны первые результаты этого пилотажного (предварительного) исследования, на основании которого планируется организовать дальнейшую работу (интервью, case studies и т.п.).

И. Савицкая
Торунь

Влияние итальянского языка на славянские диалекты

В докладе обращается внимание на некоторые факты из чакавской фонетики, которые развивались под влиянием итальянских диалектов. Это влияние проявляется в возникновении параллельных фонотактических ограничений, хотя эти ограничения в итальянском и в чакавском решаются по-разному. Прежде всего это касается структуры групп согласных.

Н.Д. Светозарова
С.-Петербург

Фонологические системы контактирующих языков в зеркале заимствований

Памяти моего учителя
Льва Рафаиловича Зиндера

Одной из важных отличительных черт щербовской фонологической школы является особое внимание к тому языковому материалу, на основании которого делаются выводы о фонологическом статусе тех или иных звуковых явлений. Представители этого направления фонологии всегда придавали большое значение учету всего лексического состава языка, в особенности, маргинальным языковым фактам – редким, новым, искусственно созданным словам, сокращениям и, в особенности, заимствованиям. Сам факт заимствования слов из чужого языка, при котором происходит их

"перестройка соответственно с фонемным составом заимствующего языка, с его фонологическими правилами" (Л.Р.Зиндер, Общая фонетика) следует считать важным доказательством автономности фонемы, что, как известно, является принципиально важным положением школы Щербы. Именно в новых словах и заимствованиях нередко обнаруживаются фонематические возможности заимствующего языка.

С другой стороны, процесс освоения заимствований, происходящий устным путем, содержит богатую информацию о звуковом строе языка-источника на определенном этапе его развития, при этом не только о его фонемном составе, но и о фонетической реализации фонемных противопоставлений.

Фонетический облик заимствований из германских языков, в частности верхне- и нижненемецкого (голландского), представляет особый интерес в связи со значительными расхождениями в звуковом строе сравниваемых языков.

В докладе предпринято рассмотрение всех основных особенностей звукового строя немецкого языка на разных этапах его истории и в разных локальных вариантах сквозь призму заимствований из немецкого языка в русский. В частности, исследуется отражение средствами русского языка отсутствующих в нем оппозиций фонем, групп фонем, отдельных фонем, позиционных и комбинаторных аллюфонов фонем, особенностей артикуляционной базы, например:

долготы-краткости гласных
открытости-закрытости гласных
огубленных гласных переднего ряда
дифтонгов
редуцированного гласного
слогообразующих сонантов
твердого приступа гласных
противопоставления шумных по силе – слабости
придыхания
фарингального спиранта
апикального уклада переднеязычных
особенностей словесного ударения.

О грецизмах в словаре традиционной духовной культуры болгар

Грецизмы, составляющие значительную часть терминологии болгарской духовной культуры, неоднородны по многим параметрам. Заимствования из греческого различаются по времени проникновения и по источникам (влияние церковной или народной культуры), по ареалам распространения и, наконец, по тому, являются ли лексемы исконно греческими или греческий язык для болгарского выступает лишь в роли посредника. Уникальность географического положения Болгарии (протяженная граница с неславянскими народами), наличие на ее территории таких этнических групп, как каракачане и кариоты, говорящие на греческих диалектах, и, конечно, история страны на Балканах отчасти объясняют сложность картины заимствований.

В докладе внимание сосредоточивается на анализе относительно поздних заимствований, которые ассимилировались в большинстве болгарских диалектов и постепенно вытеснили и продолжают вытеснять исконно славянские лексемы. В тезисах рассматривается лишь один термин родинной обрядности в двух его основных вариантах: *лехуса* (нгр. *лехууса*), *лехона* (нгр. *лехона*) - 'женщина в течение 40 дней после родов, до очистительной молитвы'. Эти лексемы заменили в болгарском языке словообразования от корня **god-* (болг. *родилка*, *родуля*, *родилница* и др.), распространились они и в других балканских странах – и славянских (*лауса* – у македонцев, сербов), и неславянских (рум. *laiza*, алб. *lehone*). Термин существует и в турецком языке в многочисленных фонетических вариантах: *logusa*, *loghussa*, *lokhousa* и др. (Български етимологичен речник, София, 1978. Т.3, 379).

Болгарские диалектологи отмечают проникновение слова *лехуса* в последние десятилетия и в регионы, где ранее оно не фиксировалось (Родопи. София, 1994, 128). Кроме того, продуктивным остается процесс деривации, семантического развития лексем и их фонетического преобразования. Несколько десятков диалектных форм терминов *лехуса* и *лехона* послужили основой для обозначения многих смежных понятий. Подобная лексика частично не была известна в 19 веке, а в 20 веке стала почти общеболгарской. С этой точки зрения интересны глаголы *лехувам* 'иметь статус роженицы и исполнять все традиционные предписания'; *лехусче*, *леонярче* 'младенец до крещения', прилагательные *лафутна*, *лахусна*, которые могут

субстантивироваться и с определенным артиклем обозначать мифических персонажей, представляющих, согласно народным воззрениям, особую опасность для рожениц и их младенцев. Народная медицина также нередко пользуется греческими терминами вместо обычных болгарских - *лафътна трѣска* 'родильная горячка': в селах известны многочисленные названия лекарственных трав, применяемых при родах и в последующий период (*левусниче*, *луфусниче* и мн. др.). Показательны случаи применения греческого термина в календаре, например, день св. Игната (20.12), считающийся в народной традиции началом родильных мук Богородицы (ср. болг. колянку *Замъчи се Божя майка/от Игнажден до Коледа*), называется в Родопах *лехусото*.

Лингвистический материал позволяет сделать следующие предварительные выводы. Прежде всего, важным моментом является ареальное распространение греческих лексем. Картографирование заимствованных терминов традиционной культуры по источникам 19-20 веков, включая самые последние записи, по-прежнему демонстрирует релевантность ятовой границы. Так, лексема *лехуса* и ее фонетические варианты распространены на якавской территории, а в екавских областях преобладают дериваты от **rod-* (Этнография на България, София, 1985, Т.3, 156). Это подтверждает и картографирование других терминов, например, демонов судьбы *орисници* (южнослав. соответствие *нарѣчници*, *судѣнници*): на большей территории Болгарии фиксируется греческий термин, а в юго-западных екавских регионах сохраняются славянские лексемы (*нарѣчници*, *судѣнници*), т.е. аналогично использованию *родѣлка* вместо *лехуса*.

Сам по себе факт заимствования слова из чужого языка, видимо, является формой табуирования "опасных" фрагментов традиционной картины мира. Процесс именования роженицы (находящейся, по народным представлениям, между жизнью и смертью) греческим термином, видимо, изоморфен известному южнославянскому обычаю называть некрещенных младенцев заведомо непонятными, "турецкими" (такое объяснение встречается у черногорцев - ГЕМ 1936/11, 60) именами (*кушла*, *кърѣн*, *чанджурѣ*, *шебѣк* и мн. др.).

Следует отметить и типичную концентрацию отрицательной информации в слове, являющемся ключевым в определенной сфере традиционной культуры, например, *лехуса* - 'женщина, заболевшая после родов', ср. подобное семантическое развитие терминов и соответствующих представлений: *орисници* - злые демоны, опасные, *орисия* - судьба, преимущественно несчастливая и др.

В докладе анализируются и другие народные термины, известные или во многих болгарских диалектах, или только в пограничных зонах (*сарандисване, армѐнки* и мн.др.). Одновременно с этим рассматриваются и грецизмы не лексического, а обрядового уровня, т.е. заимствованные ритуалы, магические действия и мифологические представления.

С.Синьорини
Флоренция

Русский и итальянский языки: две системы, два менталитета

В эпоху радикальных преобразований русской культуры – т.е. в петровское время – переводческая деятельность была одним из важнейших факторов, определяющих интеллектуальное и духовное развитие русского общества. При переводе в поисках лучшего способа передачи информации, заключенной в определенном тексте, соприкосновение систем двух разных языков позволяет сопоставить и два разных образа мышления. Итальянская культура, как и другие европейские культуры, оказывала благотворное влияние на реализацию петровских реформ.

Среди итальянских переводов на русский язык значительное место принадлежало текстам по изобразительному искусству, истории, естествознанию, а также текстам нравоучительного характера.

В докладе на основе текстов “Ведомости Парнасские” Трояна Боккалини и “Собрания определений Соломоновых при совете Премудрости” неизвестного автора особое внимание уделяется исследованию проблемы эквивалентности итальянской и русской лексики, обозначающей различные этико-философские и исторические понятия, вопросам интерференции и ее определению, поиску адекватных лингвостилистических приемов выражения мысли.

Решение этих вопросов позволит выявить характерные черты языкового новаторства соответствующего периода, рассмотреть действие тенденции к простоте языка и доступности изложения.

Блр. *надвóр'е*: лит. *óras*

Названия погоды в славянских языках связаны или совпадают с обозначениями времени – таковы лексемы, восходящие к **verte*, **god-*, **čas-*, ср.: болг. макед., сербохорв. *вре́ме*, словен. *vreme*, укр. (гуцульск.) *вéрем'(н')а*, сербохорв. (зап. Хорватия, Дубровник) *gòdina*, укр. (гуцульск., покутск.) *годи́на*, западнополесск. *годи́на*, польск. *pogoda*, рус., укр. *пого́да*, блр. (блр.-укр. полесские говоры, центр. Полесье) *погòда*, чеш. *čas, počasí*, словц. *čas, počasie*, польск. диал. *cas*; ср. также укр. (с. Бараницы Ужгородского р-на) *хвiл'а*.

Исключение составляет блр. наименование 'погоды' *надвóр'е*, совпадающее с обозначением пространства. Это семантически и словообразовательно прозрачное слово обозначает не только близкое и ограниченное - 'двор', но и бесконечно широкое и далекое 'пространство вне дома, под открытым небом', 'поднебесье'. Принимая во внимание восточно-, западно- и южнославянские образования, использующие модель *na+dvor-* для выражения понятий 'вне, снаружи', 'внешний, наружный', допустимо предположить, что в древнюю эпоху **nadvor'je* могло быть одним из обозначений пространства у славян.

Как метеорологический термин *надвóр'е* представлено в блр. литературном языке, диалектные словари отмечают его на северо-западе, юге и востоке Белоруссии, а также в соседних псковских и смоленских говорах.

Изолированное на славянском фоне, блр. *надвóр'е* находит параллель в семантическом содержании лит. *óras* 'воздух; пространство под открытым небом; погода'. При лтш. *laiks* 'время; погода' литовский в свою очередь оказывается изолированным на современном балтийском ареале, и, таким образом, речь идет об исключительно литовско-белорусской семантической изоглоссе, которую образует единая мотивационная модель обозначения 'погоды': 'пространство вне дома' → 'воздух' → 'погода'. Блр. слову недостает центрального звена в развитии смысла 'погода' – в отличие от *óras* оно не имеет значения 'воздух', которое выражается самостоятельными лексемами. Но на литовско-белорусском пограничье, в зоне живых и тесных контактов, блр. *надвóр'е* отражает полную семантическую парадигму лит. *óras*, в том числе и значение 'воздух'.

Диахронически изоглосса совмещения в одном слове смыслов 'пространство', 'воздух', 'погода', судя по данным исторической

лексикографии, охватывала и сопредельный польский ареал. Та же семантическая модель была представлена и в прусском, ср. *wins* 'воздух', *wippen* Acc. sg. 'погода', *wipna* 'наружу, вон'. По ареальной логике остается допустить то же самое и для балтийских диалектов, некогда существовавших на территории Белоруссии. Учитывая общепол. распространение слова *надвóр'е*, можно предположить субстратное происхождение его пространственно-метеорологической семантики, а в дальнейшем – поддержку со стороны лит. *óras* в условиях изоглосно-конвергентной близости.

В зеркале лит. *órai*, *óriē* балтийский колорит приобретают и эквивалентные пол. онареченные образования *надвóр* 'наружу, во-вне' *на дварэ* 'снаружи, вне, на улице'. Последняя идиоматичная форма представлена едва ли не во всех белорусских говорах, тогда как парадигматический локатив может быть отличен от нее (*на двары́*, *на двару́* и т.д.).

С.О.Тананайко
С.-Петербург

Особенности реализации оппозиции согласных по твердости-мягкости в родственных языках (на материале русской речи поляков)

Целью данного экспериментально-фонетического исследования было выявление акустических коррелятов различных способов фонетической реализации фонологической оппозиции согласных по твердости-мягкости в двух родственных языках – русском и польском.

Для польского языка корреляция согласных по твердости-мягкости оказывается очень существенной, однако количество согласных, участвующих в этом противопоставлении значительно меньше, чем в русском:

Материалом для работы послужили магнитные записи 350 слов: это были 140 русских слов, прочитанных русским диктором, носителем нормативного произношения, а также те же 140 слов и 70 польских слов в произношении польского диктора, владеющего польской произносительной нормой и знающего русский язык. Основным методом получения наиболее достоверных и адекватных поставленной цели результатов был избран спектральный анализ.

Целью спектрального анализа было определение акустических характеристик слогов типа *СГ* и *С/СГГ* в русском и польском языках и интерпретация акустических коррелятов явления асинхронной палатализации в польском языке – явления, объясняющего неразличение поляками русских слогов указанного типа.

Результаты проведенного спектрального анализа позволили выявить акустические корреляты различных способов фонетической реализации дифференциального признака "твердость-мягкость" в родственных языках. В русских и польских слогах, включающих мягкие согласные, признак мягкости фонетически и акустически выражается по-разному; различия наблюдаются и в спектре согласного, и особенно на границе с гласным - на переходном участке от согласного к гласному; информация о мягкости согласного неодинаково распределяется между компонентами русских и польских слогов.

Русские твердые и мягкие согласные с фонетической точки зрения противопоставлены как сильно палатализованные и сильно веляризованные. Акустически этому соответствует наличие в большинстве спектров русских твердых согласных так называемой "форманты твердости" (усиления в диапазоне 1000-2000 Гц), а в большинстве спектров мягких согласных - "форманты мягкости" (усиления в диапазоне 2000-3000 Гц). В системе польского языка степень палатализации мягких и веляризации твердых значительно меньше, чем в русском, и не является существенным дифференцирующим признаком, позволяющим отнести согласный к твердым или мягким. Спектры польских мягких согласных не имеют регулярно выраженной "форманты мягкости", зато они, наряду с результатами аудиторского анализа, свидетельствуют о том, что основную информацию о мягкости согласных несут акустические характеристики переходного участка от согласного к гласному. При этом необходимо подчеркнуть, что в связи с наличием в польском языке асинхронной палатализации согласных значение переходного участка при квалификации согласного как мягкого в польском языке больше, чем в русском. Фонетические различия в способе реализации мягкости согласных в русском и польском языках и соответственно различные акустические корреляты мягкости в обоих языках объясняют и специфику перцептивной характеристики твердых и мягких согласных в обоих языках.

**В какой мере оправдана метафора зеркала
при исследовании контактов между разными языковыми и
этнокультурными традициями?**

*Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья...*
Георгий Иванов

Любой контакт языков и культур, чем бы он ни был вызван, какой бы характер он ни носил и как бы ни относились носители контактируемых языков и культур к самому факту контакта, не проходит бесследно для обоих (и более) участников этой встречи. Здесь нет необходимости говорить о тех уровнях, на которых отлагаются результаты взаимодействия, как и о самом диапазоне, в рамках которого варьируется степень этого взаимодействия, но обозначить главное, хотя бы и в самом общем виде, нужно – прорыв в замкнутого пространства "своей" особой самости и встреча в общем ноосферическом пространстве, как раз и формируемом такими прорывами и такими встречами.

Но о двух вещах сказать все-таки следует, чтобы далее иметь их в виду и не повторяться. Во-первых, надо подчеркнуть, что хотя сам язык несомненно является фактором культуры, возникшим на основании тех возможностей и предрасположенностей, которые коренились в сфере природного, взаимодействие языков само по себе образует новый слой культуры с новыми особенностями и новыми возможностями, со своими специфическими функциями и своей телеологией, и об этом нельзя забывать. Во-вторых, есть потребность в предостережении от пользования слишком упрощенной схемой ролей языков (и культур) при их контактах – язык дающий и язык берущий, язык влияющий и язык, испытывающий влияние, язык активный и язык пассивный и т.п. Пользование понятиями такого типа неизбежно имеет характер "подсобности", приближенности, относительности, условности.

В этих случаях целесообразнее прибегать к более общим и фундаментальным концептам и говорить о процессе обмена, характер и мена которого для его участников чаще всего разные и при котором каждая сторона и нечто "дает" и нечто "берет" при том, что сами эти два нечто могут быть существенно разными, строго говоря ничем, кроме данной ситуации и ситуационных

"нужд" сторон, не соизмеримыми, как это бывает при сделках-обменах бартерного характера.

Обычно считается, что приобретение-заимствование "чужого" нечто меняет только в "своем" языке-реципиенте, а "дающая", но не скудеющая сторона сама как бы ничего не теряет по принципу "Ч т ó отдал, то твое" и в ней ничего не изменяется, более того "дающая" сторона чаще всего даже и не знает, ч т ó она "дала" и что она вообще "д а л а": скорее, дело обстоит так, что у нее "взяли", не поставив ее в известность. Поэтому не является случайностью преимущественно "односторонний" взгляд специалистов на "принимающую", "берущую" сторону и соответственно акцент на "односторонне" направленных ситуациях, которые в пассивном аспекте определялись как заимствование, а в активном – как влияние. Но сама "односторонность" подобных ситуаций мнимая и выступает как плод иллюзий, соблазн "частичного" и измена целому: "односторонняя" связь по большому счету не более чем *contradictio in adjecto*, дискредитация и подрыв самой идеи обмена как организатора, регулятора и контролера социальной жизни через введение понятия м е р ы обмена, э к в и в а л е н т н о с т и обмениваемых ценностей – будь то материальные ценности ("товар") или женщины, слова и знаки, символы и идеи, обычаи и моды.

Поэтому и любой языковой или культурный контакт, оказавшийся небеспоследственным (есть основание само понятие контакта определять рекурсивно через понятие "небеспоследственности"- "последственности", т.е. хотя бы минимального и верифицируемого изменения ситуации, которая была до контакта), всегда есть о б м е н и, следовательно, всегда дву(и более)-сторонен, обоюден, а это значит, что и сам акт обмена оставляет свои следы-результаты на обеих сторонах-участниках контакта. Из этого утверждения, разумеется, не следует, что обмен осуществляется непременно на паритетных началах (более того, сама паритетность связана с принимаемой мерой обмена и ею определяется и ничем другим) и/или что он по своим результатам "бессмыслен" (в двух вариантах – то же на то же или *шло на мыло*) по существу. Но любое претендующее на адекватность описание ситуации взаимодействия должно неизбежно предполагать знание того, ч т о и н а ч т о обменивается. В зависимости от того, что скрывается за этими двумя "что", определяется сам характер и состав обмена, его структурный тип. Эти "что" могут быть очень разными, но сам обмен планируется и осуществляется как "осознанно" эквивалентным и в принципе выгодным или, по меньшей мере, приемлемым для обеих сторон, как это бывает обычно и при наиболее разработанной и

"чистой" форме обмена типа "товар \leftrightarrow деньги". Понятие эквивалентности как таковое не нарушается неравностью результатов обмена, поскольку нужды вступающих в обмен неравны, и это последнее неравенство в известной степени определяет готовность несколько, но в контролируемых пределах, уступить, ограничиться меньшим, чем можно было бы надеяться, если, конечно, и это "меньшее" оказывается все-таки достаточным.

Иллюзия "односторонней" направленности (или приближающейся к таковой) возникает обычно при таком обмене, чаще всего не осознаваемом или осознанном не сразу, когда "интенсивное" обменивается на "экстенсивное", причем – и это своего рода парадокс – первое связано с пассивной "принимающей" стороной, а второе – с активной "дающей". В самом деле, "дающая" сторона не столько "дает", сколько предоставляет возможность, чтобы из нее "брали", а "принимающая" сторона не столько "принимает", сколько сама и даже без ведома другой стороны "берет" у нее то, что ей нужно, и в том объеме, какой ей требуется, в каком она может усвоить "взятое", не нарушив внутреннего равновесия "своего" целого (впрочем хорошо известны и такие патологические случаи, когда "берущая" сторона, образно говоря, "объедается" взятым и оказывается не в состоянии его переварить). Такой обмен, скорее, может быть уподоблен сдаче в аренду: "принимающая" сторона уступает с в о е место "чужому", получая за это выигрыш в виде того, в чем она испытывает нужду, а занимающая это уступленное место "дающая" или, точнее, "позволяющая брать у себя" сторона выигрывает в приобретении нового для нее м е с т а, пространства, позволяющего в принципе и в ряде отношений доминировать над стороной, сдавшей какой-то свой участок в аренду, в л и я т ь. Общую формулу обмена такого типа можно выразить следующим образом – "экстенсивное" ("пространство" культуры, "место") обменивается на "интенсивное" ("новый" элемент культуры, заполняющий уступленное "место"). Иначе говоря, за приобретение "нового" – будь то смысл или способ (форма) его выражения – приходится платить другой стороне уступкой части своего "культурного" пространства. То же самое может, разумеется, быть сформулировано и с точки зрения "дающей" стороны.

Таким образом, в процессе обмена происходит своего рода "прорастание" "своего" в "чужое" и "чужого" в "свое". "Дающая" сторона выигрывает себе "чужое" место, пространство, внедряясь в него, разумеется, частично, и выборочно, по мере возможностей, предоставляемых ей другой стороной. "Берущая" же сторона

выигрывает себе заполнение места, уступаемого ею "дающей" стороне, которым (заполнением) она пользуется теперь как своей собственностью, хотя бы она и несла на себе след "чужого" происхождения и первоначальной принадлежности. Следовательно, в обоих случаях "прорастания" – "чужого" в "свое" пространство и "своего" в "чужое" пространство происходит своего рода г и б р и д и з а ц и я "своего" и "чужого", их связывание в единый и общий узел, где есть и "свое" и "чужое" и где – при следующем шаге – неизбежно возникает возможность "снятия" (*Aufhebung*) самого этого противопоставления.

Но здесь внимание направлено на ту стадию взаимодействия, где его результаты еще хранят на себе следы "своего" и "чужого", самого обмена и вытекающих из него изменений. Эти следы не только присутствуют на рассматриваемой стадии, но и р а з л и ч и м ы. в и д и м ы даже не очень способным к рефлексии сознанием и не очень зорким взглядом, и различимы и видимы они не сами по себе, каждое со своей стороны, а именно в их гибридности, т.е. в сочетании "своего" с "чужим" и "чужого" со "своим", как первое о т р а ж а е т с я во втором и второе в первом. Вот сама эта возможность представить взаимодействие языков и культур как о т р а ж е н и е "своего" в "чужом" и "чужого" в "своем", собственно, и является той ситуацией, которая позволяет выдвинуть, обосновать и тем самым оправдать метафору з е р к а л а или, точнее и полнее, взаимосвязанных зеркал.

Концепт отражения (и, следовательно, хотя бы отчасти, его инструмента-средства зеркала) – один из ключевых в теории языковых и культурных контактов. В нем присутствует та двойственность, двусторонность, взаимность, которая дает основание применять его и в ситуациях упомянутых контактов и в связи со свойствами зеркала, которое "принимая", "беря", отражает, и, отражая, предполагает реципиента отражения, который в известном контексте, при снятии противопоставления "живое" (человек) – "неживое" (зеркало), также может пониматься как аналог зеркала – как "принимающего", так и "отражающего" (в "исходное" зеркало) устройства. В этой ситуации, в связи с контактом двух языков и/или культур, уместно говорить о двух зеркалах, поставленных друг против друга (хотя и не обязательно по единой оси и далеко не всегда обладающих равной площадью и даже вполне идентичными "тонкими" свойствами), и отражающих друг друга – *Друг друга отражают зеркала*.

Иногда эти отражения одного в другом настолько точны, что представляются полностью адекватными, т.е. одинаковыми,

результатами некоего механического переноса "своего" в "чужое" пространство и наоборот без малейших изменений, бесприбыльного удвоения, торжества экстенсивности. Но практически и в этих случаях (и уж тем более при неодинаковости смотрящих друг в друга зеркал) всегда сохраняется хотя бы минимальный уровень контрастности между отражающим и отражаемым, между "своим" и "чужим". Наличие же этой контрастности или хотя бы следа ее дает основания говорить об и с к а ж а ю щ е м (или лишь приблизительно воспроизводящем) характере воспроизведения, точнее – двух воспроизведений, двух зеркал, каждое из которых имеет с в о ю кривизну, – "своего" в "чужом" и "чужого" в "своем". Отсюда – *Взаимно и с к а ж а я отраженья.*

Здесь возникает вопрос: только ли убыточно, дефективно это искажающее отражение, это "кривое" зеркало", поставленное против другого такого же, но по-своему искажающего зеркала? Что потери и искажения в этой ситуации неизбежны и бесспорны, сомневаться не приходится. Остается ответить на другой вопрос – нет ли в этой хотя бы частичной кривизне некоей компенсации, может быть, даже не только восполняющей потери, но и дающей дополнительный выигрыш, прибыль сверх ожидания? Кажется, есть случаи и, более того, это норма (если только разрыв между "разрешающими" свойствами двух противопоставленных зеркал не приобрел катастрофического характера), когда компенсация указанного характера действительно существует, и она неотъемлемо связана с восполнением "своего" за счет "чужого", которое (восполнение) как раз и осуществляется в процессе контакта языков и культур.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что само это "искажающее" (неточное, приблизительное, неполное, "сдвинутое") отражение выступает как важнейшее свидетельство состоявшегося акта взаимодействия, уже совершившегося контакта. Оно само – тот знак и то знамение, которое равно отсылает к идее подобия и различия, в пределе – тождества и полного его отрицания (абсолютное различие), двум основным идеям, на которых держатся и общая теория знака, и теория языковых и культурных контактов. Более того, сама приблизительность, неточность, неполнота отражения не просто неизбежный результат несовершенства процесса рецепции "своим" "чужого" или даже самого "своего", не способного "зеркально"-точно отражать в себе "чужое", но и та п р о в и д е н ц и а л ь н а я н е о б х о д и м о с т ь, из которой, по пословице, делают добродетель. В силу этой необходимости (при этом само это понятие двусмысленно, поскольку нам не открыто, вызывает ли необходимость добродетель как свое следствие, или добродетель преформирует

необходимость условий своего возникновения) "чужое", принятое "своим" и в нем отраженное, не стирается до конца (по крайней мере в течение того периода, когда оно может быть усвоено "своим" плодотворно и благодатно – именно как то "чужое", которое выполняет "свое" на пути к чаемой полноте целого) и позволяет сохранить хотя бы след "чужого" и еще точнее – не столько "чужого", сколько уже лишнего жала "чужести-чуждости", но сохраняющего свою позицию в ситуации контакта – д р у г о г о. В этом другом сама "дружность" уже важнее "чужести-чуждости". Другой позволяет в известных ситуациях решить и "свои" проблемы. Более того, "свое" уже не исключает с непеременимостью "чужого", и формула "что хорошо мне, то плохо тебе", сама эта взаимодополнительность или, точнее, взаимоисключительность "своего" и "чужого" во многих случаях теряет силу. В каких именно, позволяет решить д а л о г, объединяющий "свое" и "чужое-другое". В этом диалоге другой выступает как оппонент и, что еще важнее, как непеременимое условие самого диалога, как Ты, без которого немислимо полноценное Я. Противопоставление "свое" - "чужое" снимается существенным образом в сотрудничестве Я и Ты, которое может вмещать в себя все многообразие реальных, мнимых, фантомных его воплощений – от Бога до врага. Без этой органической диалогичности, без складывающейся идеи общего блага, без преодоления узко, эгоистически понимаемой "своей" выгоды не возможна ни сама э к т р о п и ч е с к а я направленность диалога, ни сколько-нибудь плодотворное развитие культуры.

Только когда возникает категория другого, начинается плодотворное становление Я. Возникновение возможности увидеть себя как "другого" означает – как минимум – уже происшедшую укорененность в себе, в "своем" элемента "дружности" и возможность расширения "своего" за свои собственные пределы, иначе говоря, признание элемента "своего" и в другом, по меньшей мере допущения в нем этого присутствия. Тем самым, Я, "свое", выводится из замкнутого пространства самодостаточности и эгоизма. Человек впервые начинает уметь смотреть на себя глазами другого, многих других, даже только потенциальных. А увидеть себя не только как себя (зеркало рисует нас нам самим несколько иначе, чем видят нас другие и чем отражают нас иные зеркала), но и как другого для других значит вступить в пространство, где предстоит проделать огромную работу, где нужно преодолеть соблазны монолитного, самодостаточного и не сомневающегося в себе монолитизма, однозначности и плоскостности как "своего" образа, так и образа "чужого", принципиальную недостаточность взгляда на самого себя

только со "своей" позиции и самооценки путем и н о г о, через "другого", возвращения и к самому себе. Все это, собственно, и означает выход из состояния монадологического одиночества, в котором нет окон ни к другим монадам, ни в мир, но есть только возможность "отражать бытие мира, быть отраженностью" (Ф.А.Степун). Это новое пространство, на которое работают и языки и культуры в их взаимодействии, не может не обнаруживать свойств, связанных с возрастанием антропного начала и позволяющих говорить о языке-личности и культуре-личности, не утрачивающих при их контактах с другими языками и культурами и своих "зеркальных" свойств.

Нет необходимости говорить о том, насколько плодотворна тема славянских языков и культур в зеркале неславянских и неславянских – в зеркале славянских. И в том и в другом случае перед нами ситуация, которая обозначена поэтом как – "В ста зеркалах".

Е.А.Хелимский
Москва

Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии

В нашем обыденном географическом сознании путь в Сибирь довольно устойчиво связывается с маршрутом, по которому была проложена Транссибирская железная дорога, а районы к северу от нее – в особенности низовья великих сибирских рек, сибирская тундра, арктическое побережье – воспринимаются как особенно удаленные в сравнении с пунктами вдоль этого основного маршрута. Представляется, что некоторые проблемы, которые возникают при рассмотрении сибирского этно- и топонимического материала, как и неточности в трактовке этого материала, связаны с тем, что соответствующие географические представления нуждаются в поправке на реальную историю первичного ознакомления русских – а через них и Европы в целом – с территорией Сибири. Хорошо известно, что вышеуказанный основной путь в Сибирь (через Тобольск или Тюмень) стал открыт лишь после экспедиции Ермака (1582-83 гг.); пределы ставших известными (и включенными в состав Русского государства) территорий в течение последующих 70 лет постепенно и довольно стабильными темпами расширились на восток до Тихого океана. Существенно раньше (по крайней мере уже в

XIII в.) был прочно освоен несколько более северный путь в Югорскую землю (западная часть нынешнего Ханты-Мансийского АО), а сама эта земля включена в состав новгородских владений; судя по всему, однако, этот путь не вел дальше Нижнего Приобья и Северного Прииртышья.

Намного более широкую географическую перспективу открывал, однако, морской путь от Поморья к п-ову Ямал, Тазовской губе, низовьям Енисея и п-ову Таймыр – фактически наиболее короткий, хотя и чрезвычайно трудный путь в Сибирь. "Предок" Севморпути, Мангазейский морской ход был знаком поморам задолго до основания на р. Таз Мангазейского острога (1601) и до распространения (с XVI в.) коча как более приспособленного для арктического мореплавания типа судов. Ср. "люди самоедь зовомые Малгонзеи" (т.е. энцы-*могдади*, ненецк. *монганси* – отсюда и название Мангазея) в "Сказании о человецех незнаемых..." (XV в.).

Отметим некоторые факты контактной (русской и сибирской аборигенной) этно- и топонимии, объяснимые с учетом фактора Мангазейского морского хода и того обстоятельства, что в течение XV-XVI вв. (а возможно, и раньше) роль посредников между Россией (Европой) и Сибирью принадлежала не столько западносибирским татарам или обским уграм, сколько северным самоедьям.

1. ЭТНОНИМ *САМОЕД* имеет (или имел) в русском языке обиходе два ареала распространения. На северо-востоке Европы и в Нижнем Приобье он применялся к ненцам. На Енисейском Севере этот же этноним обозначал энцев (самоедов мангазейских, карасинских, туруханских, хантайских) и нганасанов (самоедов пясинских, авамских), но не ненецв, известных в этих местах как *юраки*. Поскольку ненцы расселены сплошной широтной полосой в зоне тундры от Белого моря до Енисея, "обрыв" цепи употреблений этнонима восточнее Нижней Оби и ее "восстановление" на Нижнем Енисее, но уже с иной этнической привязкой, может показаться парадоксальным. Но более внимательный взгляд на карту разрешает противоречие. По морскому ходу поморы проходили с п-ова Ямал непосредственно к р. Таз или на Енисей, т.е. в районы расселения энцев и нганасанов, которых они и отождествляли с *самоедами* Ямала; ненцы междуречья Оби и Енисея оставались при этом в стороне и впоследствии воспринимались как другой народ.

2. НАЗВАНИЯ РУССКИХ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ восходят главным образом к трем четко различающимся (хотя в конечном счете связанным по происхождению) источникам: (а) тюрк. *орыс*, *урыс* (> тюркские языки юга Сибири, бур. *ород*); (б) коми *роч* (> манс. *русь*, хант. *руть*, сельк. *рушь*); (в) др.-ненецк. *луотса*

(> ненецк. *лууца*, энецк. *люотя*, эвенк. *лууца* и близкие формы в других тунгусских языках вплоть до маньчж. *лоча*, якут. *нуучча* и др.). Их дистрибуция соотносится с тремя названными выше путями проникновения в Сибирь; с точки зрения охвата территории доминирует форма ненецкого происхождения.

Кроме того, широко представлены обозначения русских, связанные со словом *казак*. Особое место занимает кетск. *сирэ* 'русский' — не результат метатезы (так у Г.К.Вернера), а отражение этнонима *зырян* (*ин*), ср. роль коми-зырян (ижемцев) как проводников русских отрядов в Сибири.

3. ЭТНОНИМ *ТУНГУС*, для которого неоднократно предпринимались попытки обосновать тюркскую (в связи с тюрк. *тонгуз* 'свинья'), эвенкийскую или якутскую этимологию, попал в русский и европейские языки из ненецк. *тынггос*", *тынггус*" 'эвенки (мн.ч.)', см. подробно: *E. Helinski & J. Janhunen, Once more on the ethnonym "Tungus"*. - In: *Specimina Sibirica III, 1990, 67-72.*

4. ТОПОНИМ *ЕНИСЕЙ* показателен тем, что отражает не обычное для языков Южной и Средней Сибири название этой реки типа *Кем*, а др.-ненецк. *Енэсий* (совр. *Ензя-ям*) 'Енисей', см. относительно происхождения данного топонима: *Е. Хелимский. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев.* - В кн.: *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.* Москва 1991, 86-99. Примечательна "встреча" в начале XVII в. топонимов *Енисей* и *Кем*, которые в течение некоторого времени использовались в документах параллельно и не идентифицировались друг с другом; более давнее "северное" название смогло вытеснить "южного" конкурента.

Т.В.Цивьян
Москва

Себя как в зеркале я вижу...

Это клише употребил Пушкин, говоря про свой портрет кисти Кипренского. *Как в зеркале* означает "в высшей степени точно", "как на самом деле". В данном случае — с максимальной верностью передает представление о себе самом.

Однако зеркало не создает точной копии: и человек видит себя в зеркале не таким, каким его видят другие, и само зеркало – уже по техническим причинам – может давать искаженное отражение. Гораздо важнее другое: человек может судить о своем облике (в широком смысле слова) только по отражению в зеркале (*Неужели вот тот - это я?*).

Говоря об этнических стереотипах, обычно проводят строгое разделение по оппозиции *свой/чужой*: какими видим себя мы и какими видят нас другие. Имплицитно предполагается, что эти представления должны быть противопоставлены. Однако опыт показывает, что противопоставлены они бывают не по основным, а по второстепенным признакам, причем нередко это противопоставление носит оценочный и при этом идеологизированный и/или эмоционально-экспрессивный характер и может быть направлено "в обе стороны" в зависимости от ситуации. Можно предположить, что источник *нашего представления о себе*, возникает в зеркале, отражающем нас в чужом представлении (когда Ахматова пишет, что она казалась себе *отраженьем в зеркале чужом*, когда она называет собираемую ею самой антологию посвященных ей стихотворений "В ста зеркалах", когда она неоднократно подчеркивает и в *скольких жила зеркалах*, это, по сути дела и отражает идею формирования представления о себе через другого).

Если обратиться к русскому этническому стереотипу, предназначенному, так сказать, *ad usum internum* (т.е. к русскому представлению о русском), то, пожалуй, основным свойством его будет полярность, контраст крайностей, которые могут реализоваться одновременно: это некие качества, ориентированные на оппозицию *добро/зло* и представленные в суперлативе: народ-богоносец и народ-убивец; загадочная, рефлектирующая русская (славянская) душа с ее знаменитым "желанием пострадать", мягкостью, открытостью, хлебосольством и под., и – не менее знаменитое русское "что хочу, то и ворочу", направленное на разрушение, в первую очередь, самого себя (столь часто вспоминаемое сейчас *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*), "свинство" (*в осетра плюнул*), жестокость и грубость в буквальном и переносном смысле, и т.п. Резюмируя, можно сказать, что общая стратегия *русского* поведения, признаваемая самими носителями, соответствует русской же пословице об иконе – *годится - Богу молиться, не годится - горшки накрывать*.

Возникает вопрос, самоанализ ли это, и если да, то в какой степени он замкнут на самом себе. - Как представляется, в создании этнического стереотипа не обходится без *зеркала*, причем подставляют это зеркало *чужие*. Соответственно оказывается, что это не *мы сами* (и как субъект, и как объект), а наше *отражение в зеркале чужом*, воспринимаемое как аутентичное, самое "правильное". При этом отсылка к факту отражения может служить дополнительным подтверждением аутентичности. Достаточно вспомнить обличенную еще Чацким зависимость от мнения иностранцев, особенно примечательную в недалеком прошлом, когда наши родные идеологии верифицировались тем, что "вот и иностранцы так же считают...", т.е. за иностранцами, *alias* врагами, признавалась особая объективность и точность ("даже они..."). Ср. в бытовых ситуациях частое введение категории пересказа, т.е. ссылки на чужую речь, чужое мнение: "вот правильно про нас говорят,..." – предполагается, что "говорят" *чужие* (далее с одинаковой вероятностью может идти как сугубо положительная, так и сугубо отрицательная оценка, а иногда и обе одновременно); другой, почти избитый пример – национальная гордость по поводу холодного климата, основанная исключительно на том, что его не выдерживают *иностранцы* (ср. уже почти фольклорный мотив "генерала мороза" и его роли в наших военных победах).

Конечно, следует учитывать, что материал фильтруется: отбрасывается то, что совпадает с собственным мнением или, точнее, с собственным желанием, с собственной идеологической установкой. В результате образуется сплав, в котором *внутреннее* и *внешнее* трудно различить не только хронологически, но и по существу. И все-таки, как представляется, толчок дается извне, после чего естественным образом входит в игру типовая ситуация: работа на стереотип, подхватываемая не столько на уровне реалий и непосредственного опыта, сколько на уровне культуры. *Чужие* впечатления/представления о *нас* апробируются, а во многом уточняются и развиваются традицией, причем не столько народной, сколько культурной (как, например, широко тиражируемое сейчас, идущее из литературы и литературно же поддерживаемое "вечные русские вопросы, что *делать* и *кто виноват*"). Ср. прежде всего роль Толстого и Достоевского в кристаллизации этого стереотипа, воспринятого *таким* и вне России и по этой причине – см. выше – дополнительно верифицированного. В результате оказывается, что самоидентификация ориен-

тируется не только и даже, может быть, не столько на *себя*, на поддержку собственной стабильности, а на *чужого*, т.е., в конце концов, на то *отражение*, которое и сделало возможным знакомство с самим собой.

По случайности эта модель отразилась в стихотворении Пушкина, давшего название тезисам. Кипренский собирался везти написанный им в 1827 году портрет Пушкина за границу, на свою выставку. Это точное изображение-зеркало должно было быть представлено на суд иностранцев и верифицировано ими:

*Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит;
Оно гласит, что не унижу
Пристрастия важных Аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впрямь мой будет вид.*

*А.В.Циммерлинг
(Москва)*

Результативные конструкции в славянских и германских языках

В большинстве славянских и некоторых древних и новых германских языках реализация предикатной синтагмы возможна без номинативного субъекта, либо с нарушением согласования между субъектом и глагольным элементом, ср. 1) рус. *светает, дует, пасмурно, здесь ветрено*; 2) рус. *меня тошнит, меня распирает от любопытства, мне тошно, стыдно, любопытно*, 3) древнерус. *человек сладко, а грех падко, а нам та межа есть любо* 4) рус. диал. *калитку закрыто, калитка закрыто, калитка закрыт*, 5) рус. диал. *калитка закрывши(сь), раны открывши(сь), он разъяривши хватит вилы* 6) *у меня калитку закрыто/закрывши*, 7) рус. диал. *идено, у волков тут хожено, у дородного доброго молодца много было на службе послужено* и т.п..

Нарушение согласования и/ или отсутствие номинативного субъекта связано с особой семантикой лишь в той мере, в какой оно становится признаком производной модели предложения. Распространение подобных моделей всегда связано с историей отдельных диалектов и не может быть приписано (славянскому и германскому)

поязыку. Характерно, что полный набор структурных типов высказываний с нарушением согласования редко бывает представлен в одном синхронном срезе одного языка.

Вместе с тем, в древнейших славянских и германских памятниках еще нет жестких структурных требований, обуславливающих единообразное заполнение субъектной позиции в каждом высказывании. Отсюда многообразие конструкций предложения и колебания в оформлении одних и тех же предикатных значений, ср. *дождит/ дождь дождит/ льет, оно/он дождит* и т.д. Это объясняется тем, что в дописьменный период нет типов текста, для которых четкая сегментация на элементарные предложения является законом. Такие тексты появляются в результате обратного влияния книжной традиции на языковую практику. В дописьменный и младописьменный период основной синтаксической единицей является сверхфразовое единство; опущение синтаксических элементов и их перестановка для структуры предложения нерелевантны.

Наиболее полно противопоставление немаркированного типа предложения $N_{\text{ном}}-V_{\text{fin}}$ производным от него типам развертывается в тех языках, где либо сохраняются высказывания с неноминативными субъектами, либо возникают модели неагентивных предикатов, допускающие разные типы субъектов. Первая линия сопряжена с эволюцией possessивных сочетаний, вторая – с эволюцией причастных форм.

В славянских и германских языках конструкция с глаголом существования и косвенным падежом possessора исторически предшествует конструкции с глаголом "иметь". В славянском possessor маркируется предложным род.п., в германском – беспредложным дат.п. На определенной стадии конструкция с "быть" и дат./род.п. оказывается в дополнительной дистрибуции с конструкцией с глаголом "иметь", что влечет изменение ее исходной семантики. Для славянского ареала типичным является сдвиг от possessивного значения к локативному, для германского – от possessивного к аффективному: *у меня ест/ я имею брат, надежда - у меня есть надежда, я имею брата*. В некоторых диалектах круг возможных предикатов резко расширяется; глагол существования при этом может осмысляться как связка. В итоге possessивный по происхождению элемент превращается в универсальный расширитель односоставных и двусоставных схем различной семантики. В этой группе диалектов элемент У МЕНЯ (resp. герм. МНЕ) выражает недифференцированное агентивно-possessивное отношение, ср. рус. диал. *у него мясо съедено - он съел мясо; у него швы наложены - ему наложили швы*.

В литературе о происхождении германского перфекта с глаголом *haben* господствует мнение о том, что его единственным источником послужила конструкция обладания материальным объектом, т.е. принимается схема эволюции *ich habe den Brief* > *ich habe den Brief geschrieben* > *ich habe geschrieben* > *ich habe geschlafen* (**geschlafenes*). Тем самым игнорируются другие типы результативных конструкций, такие как дрвн. *ic habo giuueinot* (Ноткер) "я плакавши", нем. *ihm wurde geholfen* "*ему было поможено" и др. Представляется правильным признать множественность синтаксических источников перфекта, при этом одним из источников интранзитивного перфекта является конструкция с несогласуемым предикативом типа стл. *trъbъkъ imъtiti*, дррус. *добро створи-ти/учинити, недоужно творити*.

С другой стороны, расширение лексической базы причастий прошедшего времени (ср. диал. *хозяйка уехана*) при ограничении непредикативного употребления (**уеханая хозяйка*) превращает причастия на *-но*, *-то* и северо-русские деепричастия на *-ши* в синтагматические эквиваленты глагола с малодифференцированным результативным значением. При этом семантика высказываний с вербондом перестает непосредственно отражать направленность действия в соответствующих им глагольных высказываниях. Ср. а) *он уехавши/уехан*; б) *стол поставивши/поставлено*. В германском данный процесс сдерживается ранней парадигматизацией перфекта с глаголом "иметь", но в ряде языков существует результативная конструкция от непереходных предельных глаголов, которая с перфектом не сливается.

Тенденции к превращению причастий в вербонды и к расширению функциональной сферы possessивных сочетаний вполне осуществляются лишь в некоторых диалектах, находящихся на периферии германского и славянского ареала: исландский язык, норвежские диалекты, македонский язык, диалекты русского Севера.

**Семантическая типология
прилагательных ментальной характеристики
в прибалтийско-финских и славянских языках**

1. Прилагательные – часть речи, по сути своей ярче всего выражающая отношение человека к действительности.

Если английское *fair* обозначает 'справедливый' и 'светлый' (*fair hair* 'светлые волосы'), значит, англичане предпочитают светлые волосы. Как же русское слово *худой* помимо основного значения означает 'плохой' и 'дырявый', что свидетельствует о неодобрительном отношении славян к худобе. Толстых тоже не жаловали – ем. польское *tlusty*, среди значений которого – 'сальный', 'непристойный': *tlusty dowcip* 'сальный анекдот'. С помощью таких наблюдений познается характер народа.

2. Как происходит эволюция в пределах одной семьи? Почему английское *silly*, родственное немецкому *selig* 'блаженный', означает 'глупый', а английское *nice* 'симпатичный' происходит от латинского *'nescius* 'неведающий', 'глупый'? Почему русское *рыхлый* означает 'рыхлый', а польское *guchły* – 'быстрый'? Почему польское *dosadny* означает 'меткий', 'яркий', 'убедительный', а чешское *čerstvý* – 'свежий'?

3. Наконец, одинаковы или различны пути семантической эволюции языков в разных семьях?

Для исследования отбираются однокоренные прилагательные в четырех прибалтийско-финских языках и в славянских языках. Рассматриваются основы, присутствующие хотя бы в двух языках:

4. Прилагательные ментальной характеристики в славянских языках представлены основами **umn-*, **glup-* и **mudr-*, значения которых совпадают по языкам в пределах каждой основы.

В прибалтийско-финских языках поле представлено четырьмя основами **mielev-*, **viisas-*, **tark-* и **ruua-*.

Прилагательные с основой **mielev-* есть в финском (*mielevä*), карельском (*mielew*) и в вепском языках со значением 'умный'. Финское слово обозначает также 'многозначительный', 'льстивый'. Однако финское прилагательное устарело и в современном языке неупотребительно. Прилагательные с основой **viisas-* есть в финском (*viisas* 'умный'), эстонском (*viisakas* 'вежливый') и в карельском (*viizas* 'хитрый'). Прилагательные с основой **tark-* есть в финском (*tarkka* 'точный', 'острый', 'тонкий', 'меткий', 'внимательный',

'пунктуальный', 'тщательный', 'бережливый', 'скупой', 'подробный'), эстонском (tark 'умный', 'смышленный'), карельском (tarku 'расчетливый', 'экономный', 'острый' (о зрении, слухе), вепском (tark 'умный', 'смышленный', 'способный', 'аккуратный').

В одном только эстонском языке прилагательное с основой *guma- означает 'глупый' (gumal 'глупый', 'бестолковый', 'нелепый', 'тупой'). Значения этой основы в других языках - финское guma 'некрасивый', 'дурной', карельское guma 'неразборчивый в еде', 'некрасивый', вепское guma 'неразборчивый в еде'.

В эту группу можно также включить производные прилагательные: финское прилагательное tyhmä 'глупый' и эстонское tühine, образованные соответственно от tyhjä 'пустой' и tuhi 'пустой', 'тощий'. Эстонское слово означает 'ничтожный', 'незначительный', 'пустой', 'пустячный', 'праздный', 'пошлый', 'дешевый', 'пустяковый', 'легковесный', 'мелочный'.

5. Выводы:

Лексическая семантика этой группы прилагательных демонстрирует большой разброс значений в сравнении со славянскими языками. Три основы положительной характеристикой: 1) *mielev-, образованная подобно *umn- (финское mieli - 'ум'), 2) *viisas- характеризует в разных языках разные проявления: ума: просто ум, вежливость или хитрость. Viis означает 'образ', 'способ', 'лад', 'манера' (эст.), т.е. *viisas- - 'упорядоченный, разумный, оформленный по некоторому образцу'. Однако mielevä вышло из обращения в современном финском языке (нет его и в эстонском), уступив место viisas (также järkevä и alykäs, т.к. в финском языке несколько слов, обозначающих ум: mieli, järki и äly, причем äly - скорее, интеллект, mieli - душа, характер, разум, а järki - рассудок). При этом järki находит соответствие в прибалтийско-финских: так, в эстонском: järk- 'ступень', 'ряд', т.е. этимологически järkeva, подобно viisas, восходит к упорядоченности. Таким образом концепт 'умный' в прибалтийско-финских языках отличается от славянских, обозначая не просто 'наличие ума', а 'ум как организованность', логичность (см. также в родственном венгерском языке okos 'умный' от ok 'причина', 'основание': финское tyhmä, которое восходит к пустоте как к отсутствию организованности).

3) Значение основы *tark- 'экономный', 'точный', которая в вепском и эстонском языках, вероятно, приравнивается к умному: умеет тот, кто экономен. В славянских языках слова с таким набором значений нет, хотя совпадение значений 'умный' и 'острый' в одном слове неудивительно, учитывая синонимичность их антонимов:

'глупый' - 'тупой'. Прилагательные с основной отрицательной семантики **gupa-* есть во всех исследуемых языках, причем параметры отрицания здесь различны, остается как бы одно НЕ: НЕразборчивый в еде, НЕкрасивый, НЕумный, НЕхороший. Возможно, изначально общего слова со значением 'глупый' не было: **gupa-* как бы означает 'нелепый', а то, в чем проявляется нелепость – различается по языкам: нелепый внешне, в мыслях, в питании.

Таким образом, прибалтийско-финские прилагательные более конкретны, ближе к природе, чем славянские.

Содержание

Ананьева Н.Е. (МГУ)	О польских говорах балто-славянского пограничья	3
Богданова Н.В., Субин Пак (С.-ПбГУ)	Об особенности реализации фонетических законов русского языка в речи носителей других языков (на материале русской речи корейцев)	6
Бондарко Л.В. (С.-ПбГУ)	Звуковая система русского языка: виды контактов и сферы функционирования	8
Венедиктов Г.К. (ИСиБ)	О необходимых уточнениях к описанию некоторых форм существительных в современном болгарском литературном языке	10
Вербицкая Л.А. (С.-ПбГУ)	Фонетическая интерференция и произносительная норма	13
Ермакова М.И. (ИСиБ)	Современная сербо-лужицкая языковая ситуация и проблемы взаимодействия серболужицкого и немецкого языков	17
Завьялова М.В. (ИСиБ)	Влияние славянских языков на литовскую разговорную речь	20
Зализняк А.А. (ИСиБ)	Бытовая письменность в древней Руси и в средневековой Скандинавии	21
Запольская Н.Н. (ИСиБ)	Концептуальная трансляция классического языка как доминанта книжной sprawy	25
Иванов Вяч. Вс. (ИСиБ, UCLA)	Славяно-(восточно)иранские сходства. Дополнительные сближения	26

Игнаткина Л.В. (<i>С.-ПбГУ</i>)	Реализация оппозиции "звонкость-глухость" и "твердость-мягкость" в русской речи китайцев	32
Калнынь Л.Э. (<i>ИСиб</i>)	Языковая ситуация в Нижней Лужице как результат политики германизации этой территории	33
Калужская И.А. (<i>ИСиб</i>), Цымбурский В.Л.	К истории некоторых родственных наименований рептилий в балканском ареале	35
Касаткина Р.Ф. (<i>ИРЯ</i>)	Разновидности словесных ритмических структур в русских говорах и неславянское окружение	38
Клепикова Г.П. (<i>ИСиб</i>)	Славяно-восточнороманские языковые контакты и дифференциация дакорумынских диалектов	39
Михайлов Н.А. (<i>Пиза, ун-т</i>)	Славяне в восприятии славян и некоторых европейских неславянских народов (итальянцы)	46
Молошная Т.Н. (<i>ИСиб</i>)	Постпозитивный артикль: скандинавские и славяно-балканские факты	48
Невская Л.Г. (<i>ИСиб</i>)	Об одном типе заимствования	51
Николаева Т.М. (<i>ИСиб</i>)	Славянские языки в контакте: про- содия	52
Осипова М.А. (<i>ИСиб</i>)	Славянское словообразование в контексте проблемы 'смерть языка'	57
Пфандль Х. (<i>Грац, ун-т</i>)	Культурное и языковое поведение русских эмигрантов с 1970 г.: постановка вопроса и первые результаты	59
Савицкая И. (<i>Торунь, ун-т</i>)	Влияние итальянского языка на славянские диалекты	60

Светозарова Н.Д. (С.-ПбГУ)	Фонологические системы контактирующих языков в зеркале заимствований	60
Седакова И.А. (ИСИБ)	О грецизмах в словаре традиционной духовной культуры болгар	62
Синьорини С. (Флоренция, ун-т)	Русский и итальянский языки. Две системы, два менталитета	64
Судник Т.М. (ИСИБ)	Блр. <i>надвор'е</i> : лит. <i>oras</i>	65
Тананайко С.О. (С.-ПбГУ)	Особенности реализации согласных по твердости-мягкости в родственных языках. (на материале русской речи поляков)	66
Топоров В.Н. (ИСИБ)	В какой мере оправдана метафора зеркала при исследовании контактов между разными языковыми и этнокультурными традициями?	68
Хелимский Е.А. (ИСИБ)	Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии	74
Цивьян Т.В. (ИСИБ)	<i>Себя как в зеркале я вижу...</i>	76
Циммерлинг А.В. (ИСИБ)	Результативные конструкции в славянских и германских языках	79
Шлафирнер М.А. (ИСИБ)	Семантическая типология прилагательных ментальной характеристики в прибалтийско-финских и славянских языках	82

Славянские языки в зеркале неславянского окружения

Тезисы международной конференции
20-22 февраля 1996 г.
Москва

Компьютерный набор Н.С.Захарьиной.
Оригинал-макет и обложка М.И. Леньшиной

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 16.01.1996. 4,6 печ.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 34. Цена договорная

Участок оперативной полиграфии Института российской истории РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

